Вл. Горнъ, В. Мечъ, Череванинъ.

БОРЬБА

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ ВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Выпускъ IV.

В. МЕЧЪ.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ БУРЖУАЗІЯ.

МОСКВА.—1907.
Типо-литографія Русскаго Товарищества печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. д. Телефонъ № 18.35 53 95.

I. Нашъ либерализмъ и его типы.

Ростъ экономическихъ производительныхъ силъ въ Россіи особенно со второй половины XIX вѣка, вызвалъ значительное перераспредѣленіе ея общественныхъ силъ. Новыя формы производства, развившіяся въ обрабатывающей промышленности, все болѣе переносили центръ тяжести матеріальныхъ и культурныхъ силъ въ города, большіе центры. Старое экономическое общество, общество помѣщиковъ, крестьянъ и промежуточныхъ посадскихъ классовъ, уступало первое мѣсто новой антагонистической системѣ — капиталистовъ и рабочихъ съ промежуточными слоями профессіональной интеллигенціи. Эта система классовъ, развиваясь въ средѣ стараго хозяйства все болѣе пріобрѣтала господствующее положеніе, благодаря своей болѣе высокой производительности. Городъ развивался и богатѣлъ, овладѣвъ и тѣми отраслями труда, которыя служили подспорьемъ феодальному хозяйству. Отставшая экономически деревня бѣднѣла и голодала, помѣщичья усадьба также оскудѣла или замерла неподвижно въ паразитизмѣ рантьера.

Новое распредѣленіе экономическихъ силъ отразилось и въ другихъ областяхъ общественной жизни. Не только матеріальное богатство, но и культура, и политическое вліяніе замѣтно передвигались къ городамъ и новымъ группамъ. Богатая и предпріимчивая буржуазія замѣтно доминировала надъ захудалымъ и „неприспособленнымъ" дворянствомъ помѣстій и гнула въ свою сторону экономическую политику правительства. Многочисленная и развитая интеллигенція овладѣвала всѣми сферами культурной общественной дѣятельности и подъ конецъ соперничала во вліяніи съ дворянствомъ даже въ дворянскихъ земствахъ. Пролетаріатъ, спаянный въ густыя массы самой новой экономической системой, организовался въ такую общественную силу, передъ которой блѣднѣетъ сила гораздо болѣе многочисленнаго крестьян-

ства. Словомъ, побѣдоносно выдвигалась новая группировка населенія, высшая производственная организація и свойственная ей культура.

Все это частью проникаетъ и въ отсталыя области народнаго хозяйства, въ глухую провинцію, деревню. Ихъ населеніе стало рѣзко разслаиваться: крестьянство и мѣщанство усиленно выдѣляютъ изъ себя, съ одной стороны, пролетаріатъ, съ другой —предпринимательскую буржуазію. Сѣрыя и довольно однородныя массы стали въ процессѣ капитализаціи хозяйства разлагаться на противоположные соціальные полюсы.

Даже и обезпеченный, господствующій классъ стараго общества—поземельное дворянство—не осталось внѣ этой всеобщей ломки. Помѣщичье хозяйство падало, лишь изрѣдка превращалось въ капиталистическое хозяйство по буржуазному типу. Усадьбы хирѣли и пустѣли. Все наиболѣе жизнеспособное и даровитое въ дворянствѣ стремилось въ городъ—на службу, къ интеллигентнымъ профессіямъ, къ общественной дѣятельности, образованію; центръ общественности манилъ своей высшей матеріальной и духовной культурой. Отъ рядовой помѣщичьей среды, погрязнувшей въ тинѣ захолустья и рутиннаго, малопроизводительнаго хозяйства, откалывались группы помѣщиковъ-буржуа, помѣщиковъ-интеллигентовъ, общественныхъ дѣятелей или членовъ свободныхъ профессій. Такъ прогрессивные общественные классы—буржуазія, пролетаріатъ, интеллигенція—впитывали въ себя все новые и новые элементы изъ массы стараго общества.

Но этотъ процессъ соціальнаго перераспредѣленія происходилъ въ обстановкѣ стараго государственнаго режима. Выросшій въ условіяхъ феодальнаго хозяйства, связанный съ интересами его высшаго поземельнаго класса, а позднѣе—и съ интересами профессіональной бюрократической группы, онъ оказывался въ рѣшительномъ противорѣчіи съ новыми потребностями общественныхъ классовъ. Поддерживая паразитныя группы, растрачивая непроизводительно огромныя средства, постоянно выжимаемыя изъ народнаго хозяйства, самодержавіе все болѣе подрывало производительныя силы страны. Это сильно отражалось на интересахъ большинства классовъ. Уже въ составѣ стараго общества оказалось положительно надорваннымъ крестьянство. Разореніе шло къ нему съ обѣихъ сторонъ: капитализмъ и денежное хозяйство означали для большинства его усиленную эксплоатацію кулака и конкурренцію города; старый порядокъ все сильнѣе давалъ себя знать въ помѣщичьей эксплоатаціи и въ казенномъ налоговомъ тяглѣ. И въ крестьянской средѣ глухо росла огромная враждебная режиму сила.

Но наиболѣе сознательно и быстро происходилъ тотъ же процессъ среди болѣе культурнаго городского общества—тѣмъ болѣе, что тамъ, помимо отраженнаго вліянія крестьянскаго разоренія, съ особенной силой проявляли себя и другія отрицательныя стороны режима. Охраняя свою политическую монополію, самодержавіе давило интеллигенцію, ограничивало ея культурную работу. Опираясь на верхи капиталистовъ и оберегая тѣ же свои политическіе интересы, оно стояло на дорогѣ самому острому и жизненному стремленію пролетаріата—стремленію къ организаціи. Наконецъ, вызывая этимъ лишь усиленное рабочее движеніе, а главное, подрывая всей своей хищной политикой внутренній рынокъ промышленности, оно вредило и буржуазіи. Сравнительно высокая культура всѣхъ этихъ классовъ, ихъ сильная концентрація и общественность быстро обработали и оформили эти огромныя потенціальныя силы вражды въ сознательныя и активныя политическія противорѣчія. Военный разгромъ режима докончилъ обостреніе этихъ противорѣчій и разрядилъ накопившуюся энергію вражды въ открытую революцію.

Въ наступившей затѣмъ сложной общественной борьбѣ мы прослѣдимъ тѣ теченія, которыя опредѣляются именемъ либерализма и буржуазнаго демократизма. Это—всѣ тѣ прогрессивныя направленія, которыя, борясь съ правовыми неравенствами и привиллегіями феодальнаго порядка, ограничиваются требованіемъ лишь относительнаго, „буржуазнаго" равноправія, не доходятъ до признанія полнаго общественнаго равенства, какъ равенства всѣхъ соціальныхъ, внѣорганическихъ условій человѣческой борьбы за существованіе. Они именно всегда останавливаются передъ однимъ и важнѣйшимъ изъ общественныхъ неравенствъ—наслѣдственной частной собственностью—и въ этомъ типичная буржуазность ихъ стремленій, противополагающая ихъ движенію соціализма. Но это—еще minimum различій; таково отличіе самаго крайняго, самаго радикаль-

наго демократизма, возможнаго при буржуазной предпосылкѣ; на практикѣ и эта форма достигается крайне рѣдко, и различія демократизма буржуазнаго отъ соціалистическаго оказываются обыкновенно гораздо болѣе значительными. Мы уже не говоримъ о либерализмѣ, именемъ котораго зовутся всѣ вообще нормы правовой демократизаціи, идущія далѣе существующаго положенія, хотя бы это послѣднее было лишь правопорядкомъ помѣщичьяго самодержавія.

Какъ видимъ, это очень широкіе предѣлы для варіацій либерализма; между самодержавіемъ и полнымъ народовластіемъ крайней буржуазной демократіи возможны очень многіе типы политическихъ стремленій. Не менѣе разнообразны и общественные классы, порождающіе и поддерживающіе эти разные типы либерализма. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ классы и группы, которыя по своимъ интересамъ не укладываются, съ одной стороны, въ рамки феодальнаго порядка, съ другой—въ будущій пролетарскій строй соціализма. Чтобы лучше оріентироваться въ сложной картинѣ либеральныхъ теченій за послѣдніе годы, мы должны теперь же намѣтить главнѣйшіе идеологическіе типы этого рода и ихъ соціальные источники.

Прежде всего остановимся здѣсь на умѣренномъ, цензовомъ либерализмѣ съ ясными владѣльческими тенденціями.

Онъ поддерживается преимущественно крупной капиталистической буржуазіей и частью землевладѣльцевъ. Позиція этихъ круговъ въ политической борьбѣ разныхъ общественныхъ силъ вполнѣ ясна.

Крупная буржуазія является у насъ классомъ привиллегированнымъ. Она пользовалась за послѣднія десятилѣтія явнымъ покровительствомъ самодержавнаго режима. Таможенныя пошлины, ввозныя и вывозныя, замаскированныя нормировками, система податного обложенія, цензовыя преимущества въ городскомъ самоуправленіи, казенные заказы, кредитъ, поддержка въ борьбѣ съ рабочими—все было къ услугамъ капиталистовъ со стороны государства. Не было недостатка и въ ихъ прямомъ, личномъ вліяніи на оффиціальныя, правительственныя сферы и ихъ политику. Въ экономическихъ вопросахъ правительство постоянно совѣщалось съ ними, выслушивало мнѣнія ихъ организацій, привлекало ихъ къ участію въ работѣ бюрократическихъ комиссій. Они, конечно, пользовались и значительной свободой профессіональной организаціи, объединяясь черезъ биржевые комитеты, торговыя палаты, совѣщательныя конторы и съѣзды. Словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ классомъ, привиллегированнымъ не только въ смыслѣ непосредственно экономическомъ, но и въ административно-правовомъ. Неудивительно поэтому, что политическій типъ его опредѣлился въ революціи, какъ умѣренный либерализмъ. Но почему же онъ былъ все же либерализмомъ? почему эта привиллегированная буржуазія въ большинствѣ не стояла на защитѣ стараго самодержавія, а требовала новыхъ, конституціонныхъ политическихъ формъ, хотя бы и очень скромныхъ.

Дѣло въ томъ, что положительныя связи этого класса съ режимомъ съ избыткомъ покрывались отрицательными. Невыгоды чужой, безотвѣтственной власти чиновниковъ и дворянскихъ круговъ становились чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе существенными.

Объ одной изъ нихъ, притомъ важнѣйшей, мы уже говорили: самодержавіе, упитывая отсталые или вовсе паразитные слои общества, слишкомъ ужъ хищно и безплодно растрачивало производительныя силы страны. Режимъ былъ очень далекъ отъ того минимальнаго буржуазнаго благоустройства, которое нужно для мирной и разумной капиталистической эксплоатаціи, стремящейся не только извлекать, но и сохранять, поддерживать источники этого извлеченія, народныя производительныя силы. Самодержавіе пожирало на чисто все тамъ, гдѣ надо было лишь снимать сливки; оно рвало сучья и корни тамъ, гдѣ надо было лишь осторожно брать плоды и дѣлать удобреніе; оно, однимъ словомъ, расхищало не тольно доходы народныхъ массъ, но и самый ихъ капиталъ.

Но обиднѣе всего было то, что это дѣлалось въ пользу чужихъ и непроизводительныхъ группъ, къ которымъ дѣловая буржуазія относилась съ пренебреженіемъ. Легко понять, какъ принимались ею прямыя льготы захолустному дворянству, особенно, когда онѣ давались за счетъ буржуазіи (какъ это было, напр., въ организаціи земствъ по закону 1890 г., въ устройствѣ Дворянскаго банка и пр.). Но и спеціально-промышленная поли-

тика режима обладала тѣмъ удивительнымъ свойствомъ, которое такъ характерно для разлагающагося строя: она раздражала даже тѣхъ, кому хотѣла оказать услугу. Возьмемъ ли мы покровительство—эти казенные заказы, нормировки—мы тотчасъ видимъ, какъ въ рукахъ неотвѣтственной бюрократіи все это превращается въ область интригъ, подкупа, вымогательствъ, и возстановляетъ обиженное большинство. Возьмемъ таможенное обложеніе—и тотчасъ видно, какъ оно, подкупая однихъ, возстановляетъ другихъ.

Возьмемъ ли, наконецъ, рабочую политику—мы видимъ, какъ самодержавіе, добиваясь своего „порядка", охраняя свой политическій режимъ, подлаживается то къ фабрикантамъ, то къ рабочимъ (въ зубатовщинѣ) и въ концѣ концовъ возстановляетъ противъ себя и тѣхъ и другихъ. А такъ какъ одна изъ этихъ сторонъ проявляетъ свое недовольство весьма вещественнымъ образомъ, вродѣ полу-политической забастовки—то тѣмъ еще болѣе недовольной остается другая сторона.

Нечего уже и говорить о такихъ областяхъ правительственной политики, какъ финансовая, основанная на займахъ, страдавшая все большимъ и большимъ паденіемъ кредита и бумагъ, что уже прямо посягало на достояніе ихъ держателей, т.-е. преимущественно крупной буржуазіи. Еще болѣе очевидна нелѣпость, даже съ точки зрѣнія этой буржуазіи, внѣшней политики съ ея безумными претензіями, колоссальными затратами на предпріятія, приведшія въ концѣ концовъ къ военному разгрому и полному разоренію страны.

Словомъ, въ той безобразной картинѣ, которую представляло собою самодержавіе послѣднихъ десятилѣтій, было слишкомъ достаточно изъяновъ даже съ точки зрѣнія интересовъ крупной буржуазіи. Все это было ясно практичному уму буржуа и не могло сдѣлать изъ него сторонника самодержавія: онъ поэтому—либералъ. Но не менѣе понятно и то, что въ своемъ политическомъ либерализмѣ онъ не перестаетъ быть практичнымъ. Отрицая режимъ, онъ старается щадить и удерживать тѣ его стороны, которыя были выгодны ему, сохранить то привиллегированное положеніе, какимъ пользовался при немъ крупный капиталъ. Самодержавіе, *дворянское* самодержавіе, можетъ погибнуть; но никоимъ образомъ не должны погибнуть преимущества круп-

ныхъ хозяевъ, крупныхъ плательщиковъ налога и работодателей. Напротивъ, эти преимущества онъ еще надѣется укрѣпить, взявъ власть отъ безпутной дворянско-чиновной кучки въ свои дѣловыя, опытныя руки. Отсюда цензовый характеръ его либерализма, стремленіе замѣнить старыя сословно-административныя основанія политическаго вліянія болѣе объективнымъ критеріемъ—рублемъ; ибо идеалъ этого буржуа—прогрессивно-подоходный... политическій престижъ.

Партіи, представляющія у насъ этотъ типъ либерализма, достаточно извѣстны. Ранѣе это были: п. „Правового порядка", „Торгово-промышленная", „Союзъ 17 окт."; въ послѣдующее время, съ упадкомъ первыхъ двухъ организацій, направленіе, было представлено почти исключительно „Союзомъ 17 окт.". Позднѣйшая партія „Мирнаго обновленія" представляетъ круги, близкіе по типу къ очерченнымъ нами. Лишь подъ давленіемъ выяснившагося соотношенія общественныхъ силъ, явной объективной невозможности ограничиться владѣльческимъ конституціонализмомъ—они переходятъ къ признанію болѣе демократичныхъ принциповъ*). Впрочемъ, это вынужденное признаніе носитъ настолько теоретическій, пассивный характеръ, что мало нарушаетъ общій владѣльческій типъ партіи; зато ея „мирный" и контръ-революціонный характеръ уже прямо изобличаютъ ея общественную природу.

Это различіе между программной внѣшностью и дѣйствительнымъ типомъ партіи мы всегда должны имѣть въ виду—особенно же, когда рѣчь идетъ о партіяхъ крупно-владѣльческихъ. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ эти партіи выступаютъ въ наиболѣе замаскированномъ, ложномъ видѣ. Почему это особенно относится къ нимъ—вполнѣ понятно: разъ это—партіи, то онѣ могутъ существовать только какъ массовыя; но, при ограниченности своихъ естественныхъ крупно-владѣльческихъ кліентовъ, онѣ могутъ быть массовыми лишь при условіи этой идеализаціи, этого сознательнаго или безсознательнаго изображенія частныхъ интересовъ въ видѣ общихъ, народныхъ. Такова объективная не-

*) Подобная эволюція политическихъ взглядовъ Е. Трубецкого, Рябушинскаго, Крестовникова и др. произошла, можно сказать, на глазахъ публики.

обходимость: за субъективными мотивами, даже самыми возвышенными, дѣло, какъ извѣстно, не станетъ.

Поэтому, имѣя дѣло съ этими партіями, мы всего менѣе должны довѣрять ихъ программамъ. Другія, болѣе косвенныя, проявленія партійной дѣятельности даютъ часто гораздо болѣе цѣнныя указанія. Такова тактика партій, способы борьбы за свою программу. Таковы еще болѣе второстепенныя, на первый взглядъ, проявленія партій: оцѣнка ими текущихъ политическихъ явленій, отношеніе къ существующему правительству и режиму, отношеніе къ другимъ партіямъ. Часто большое значеніе имѣютъ даже чисто отрицательные признаки: за что не борются эти партіи, о чемъ умалчиваютъ, съ чѣмъ мирятся безъ протестовъ на практикѣ и т. д. Наглядный примѣръ значенія всѣхъ этихъ признаковъ—это судьба „Союза 17 окт.“ послѣ роспуска первой Думы. Нисколько не измѣнивъ программы, названія, всей вообще либеральной „видимости“, онъ проявилъ свое новое, дѣйствительное содержаніе именно такими косвенными путями: поддержкой реакціоннаго правительства, соглашеніями съ „истинно-русскими“ и т. д.

Въ результатѣ этой обычной тактики цензоваго либерализма составъ его партій пополняется частью лицами другихъ экономическихъ классовъ, особенно изъ тѣхъ, что наиболѣе отличаются своей соціальной неопредѣленностью, промежуточнымъ положеніемъ (напр., мѣщанство). Почва этого тяготѣнія къ умѣреннымъ партіямъ здѣсь вообще та же, что и при вступленіи въ реакціонныя партіи *); это традиціонный консерватизмъ, сохранившійся благодаря отсталому, тоже традиціонному, типу хозяйства этихъ слоевъ, живущихъ, какъ было встарь, мелкимъ, раздробленнымъ промысломъ со всей ограниченностью его обстановки. Отсюда недостатокъ соціальной осмысленности, сознанія своихъ общественныхъ, т.-е. классовыхъ, интересовъ.

Но и въ предѣлахъ собственной буржуазной среды цензовый либерализмъ объединяетъ чрезвычайно разнокалиберные въ экономическомъ смыслѣ элементы. Не надо забывать, что понятіе „Крупнаго“ буржуа есть понятіе относительное; въ провинціи, напр., въ его положеніи стоитъ тотъ, кто въ большомъ центрѣ является лишь мелкой сошкой буржуазіи. Какъ ласточки кажутся особенно высоко летающими въ деревнѣ, такъ и экономическое господство осуществляется въ захолустьѣ часто съ очень ограниченными средствами. Отсюда любопытное явленіе: чѣмъ глуше провинція, тѣмъ мельче по экономическому положенію типы сторонниковъ у владѣльческихъ партій. Московскому Гучкову или Крестовникову соотвѣтствуетъ въ какой-нибудь Кинешмѣ средній купецъ, а въ селѣ Лопатинѣ—хозяинъ „магазеи“ или простой трактирщикъ. Это и понятно, такъ какъ дѣло не въ абсолютномъ богатствѣ, а въ общественномъ отношеніи, въ экономическомъ преобладаніи надъ окружающими, въ ихъ эксплоатаціи, какъ покупателей, кредиторовъ, наемныхъ служащихъ.

*) См. вып. I Силы реакціи, стр. 18—19.

Особую разновидность того же цензоваго либерализма представляетъ славянофильскій либерализмъ нѣкоторыхъ круговъ поземельнаго дворянства. Въ противоположность практичному и трезвому мышленію крупной буржуазіи, онъ носитъ своеобразный сословно-барскій и феодальный характеръ, глубоко утопическій въ той новой обстановкѣ, въ которой онъ выступаетъ. Онъ еще всецѣло пропитанъ старыми историческими традиціями, сословными и абсолютистскими предразсудками. Даже на новый процессъ политической демократизаціи онъ смотритъ еще глазами стариннаго барства и ждетъ его какъ добровольнаго дара „первенствующихъ“ силъ. Идеализируя старыя національныя политическія формы, онъ грезитъ объ идиллическомъ „Земскомъ совѣтѣ“ при благожелательной и демократично-настроенной самодержавной власти, осуществляющей самочинно общественную свободу въ интересахъ собственной освѣдомленности и правоты *). Таковъ этотъ не буржуазный уже, но аристократическій либерализмъ: онъ строитъ на своихъ

*) Такъ, въ одной изъ прокламацій славянофиловъ въ январѣ 1905 г. читаемъ: „Мы крѣпко вѣримъ, что только Самодержавной Властью Царя можетъ быть осуществлена вся та полнота свободы и обезпеченіе правъ человѣка, которыя необходимы для развитія и проявленія его духовныхъ и творческихъ силъ. Свобода мысли, совѣсти, вѣроисповѣданія, мнѣнія и сомнѣнія, устнаго и печатнаго слова, собраній и союзовъ—нетолько не противорѣчатъ Самодержавной Власти Царя, но даже необходимы для постояннаго освѣдомленія Верховной Власти о состояніи ума и совѣсти и подлинныхъ мнѣніяхъ, нуждахъ и желаніяхъ народныхъ“.

субъективныхъ и доброжелательныхъ барскихъ чувствахъ систему объективно-хищную и деспотичную... Когда суровая практика революціи, наглядно вскрывшая дѣйствительную механику общественнаго развитія, вырвала у него изъ-подъ ногъ эту утопическую почву, онъ вынужденъ былъ отъ многаго отказаться, а съ остальнымъ багажомъ примкнуть къ прозаическимъ земнымъ теченіямъ. Къ какимъ же? Ну, конечно, къ самымъ этическимъ и мирнымъ. А такъ какъ такими являются въ современномъ обществѣ, по понятнымъ причинамъ, крупно-владѣльческія группы, то „Союзъ 17 окт.“ и особенно партія „Мирнаго обновленія“ оказались здѣсь наиболѣе подходящими. Группа земцевъ съ Д. Шиповымъ во главѣ и другіе либерально-славянофильскіе кружки дворянъ пережили именно эту эволюцію, пока не пришли наконецъ къ „мирной“ пристани владѣльческаго либерализма.

Перейдемъ теперь къ другимъ типамъ нашего либерализма. Оставивъ пока въ сторонѣ промежуточныя формы, остановимся на томъ, который назовемъ буржуазно-интеллигентскимъ. Это либерализмъ, уже чуждый аггрессивныхъ владѣльческихъ и сословныхъ стремленій, кастовой узости одного класса. Главной общественной базой его является многочисленная интеллигенція, въ смыслѣ группы людей свободныхъ профессій и наемнаго труда, квалифицированнаго высокимъ образованіемъ. Это — достаточно очерченный и своеобразный слой, занимающій опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ классовъ и группъ. Но, конечно, эта группа является въ то же время и довольно сложной и при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживаетъ разные составные слои. Такъ, наряду съ элементами наемнаго труда, мы видимъ здѣсь какъ бы самостоятельныхъ производителей, одиночекъ-ремесленниковъ (врачъ, живущій практикой, адвокатъ и т. п.); затѣмъ идутъ категоріи мелкаго предпринимательства съ помощью наемныхъ лицъ, работающихъ вмѣстѣ съ хозяиномъ или путемъ „раздаточной системы“ (дантисты, эксплоатирующіе зубныхъ техниковъ, архитекторы съ помощниками и пр.); наконецъ, настоящее капиталистическое предпринимательство, въ которомъ и хозяинъ и работники—люди одной профессіи, иногда даже одного образовательнаго уровня (лечебницы отдѣльныхъ врачей, техническія конторы инженеровъ и пр.). Словомъ, какъ и во всякомъ общественномъ словѣ, дифференціація и здѣсь можетъ быть проведена очень далеко.

Конечно, это обстоятельство не остается безъ вліянія на степень соціально-политической однородности группы. Въ то время, какъ одна часть интеллигенціи явно тяготѣетъ къ владѣльческимъ „умѣреннымъ“ классамъ, противоположный флангъ выдѣляетъ то, что называется интеллигентнымъ пролетаріатомъ съ характерными демократическими чертами мышленія и общественной дѣятельности. Но, минуя пока эти крайности, мы все же можемъ говорить о среднемъ типѣ интеллигента, преобладающемъ въ этой профессіональной средѣ. Въ чемъ характерная особенность соціальнаго положенія этой группы? Несомнѣнно—въ ея среднемъ мѣстѣ между двумя главными классами новаго хозяйства: буржуазіей въ тѣсномъ смыслѣ и рабочимъ классомъ. Уже самый фактъ высокаго умственнаго развитія предполагаетъ обычно нѣкоторую относительную достаточность этой среды, поставляющей интеллигентныя силы страны: ибо въ современномъ обществѣ высокое образованіе является вообще результатомъ своего рода цензовой привиллегіи. Въ свою очередь полученное образованіе, создавая квалифицированный заработокъ, обезпечиваетъ людей интеллигентскаго труда неизмѣримо лучше, чѣмъ низшій трудъ пролетаріата и мелкаго собственника. Отсюда своеобразное общественное положеніе интеллигенціи, этихъ полубаръ, полу-рабочихъ, приближающихся по формальной соціальной ситуаціи къ пролетаріату, а по величинѣ достатка—къ среднимъ буржуа. Высокое умственное развитіе еще увеличиваетъ эту своеобразность и замкнутость группы какъ со стороны народной массы, такъ и со стороны дѣловой буржуазіи.

Этимъ положеніемъ интеллигенціи объясняется и содержаніе ея обычныхъ соціально-политическихъ стремленій и ея методы борьбы.

Вполнѣ естественно прежде всего, что стремленія группы, всецѣло возникшей на почвѣ спеціализированнаго умственнаго труда позднѣйшей культуры, лежатъ въ направленіи дальнѣйшаго развитія этой культуры, духовной и матеріальной. Въ этомъ ея основной групповой интересъ, условіе ея благосостоянія. Широкій экономическій подъемъ главныхъ производительныхъ классовъ создастъ усиленный спросъ на ея трудъ, укрѣпитъ ея имуще-

ственное и моральное положеніе *). Въ частности, тѣ ближайшія политическія условія, которыя необходимы для этого—нормы общественной свободы и политической самодѣятельности—поддерживаются интеллигенціей нетолько какъ средство этого общаго культурнаго роста, но и въ силу своей прямой связи съ узкогрупповыми интересами этого слоя. Ибо общественная свобода—это болѣе всего свобода мысли и слова и, слѣдовательно, свобода активной интеллигентской дѣятельности по преимуществу. Здѣсь, въ конституціи, въ парламентаризмѣ—настоящее поле дѣятельности для интеллигенціи, ея наибольшая общественная роль. Ея заинтересованность въ такомъ политическомъ порядкѣ носитъ поэтому наиболѣе прямой, непосредственный характеръ. Въ то время, какъ для буржуа, политическая свобода есть, главнымъ образомъ, средство къ упорядоченію своего предпринимательскаго „дѣла", для сознательнаго рабочаго—средство къ борьбѣ съ капиталомъ—для интеллигента она является особенно цѣнной уже и сама по-себѣ, какъ самоцѣль, какъ свобода его дѣятельности и общественнаго возвышенія. Его политическій либерализмъ отличается поэтому наибольшей непосредственностью и прочностью. Само собою разумѣется, что это еще ничего не говоритъ о предѣлахъ такого либерализма, о его демократичности. Та политическая свобода, которая способна удовлетворить узкогрупповые интересы такой интеллигенціи, можетъ быть очень умѣренной съ точки зрѣнія другихъ классовъ и другихъ интересовъ. Тысячами путей свобода, полная для средняго интеллигента, можетъ оказаться урѣзанной для соціальныхъ низовъ. Такъ выглядитъ дѣло съ точки зрѣнія профессіональныхъ интересовъ этой группы. Но, конечно, такая узкая почва стремленій не является ни сознательнымъ, ни единственнымъ мотивомъ интеллигентской политики. Въ сущности ни одна общественная группа не живетъ однимъ узкимъ комплексомъ своихъ частно-групповыхъ интересовъ. Во всякой группѣ, какъ и въ отдѣльномъ человѣкѣ, всегда живутъ одновременно соціальныя побужденія разныхъ порядковъ, соціальныя связи съ разными общественными кругами (семья, классъ, нація, раса). Своеобразность проявленій группы заключается тогда въ томъ, что даже болѣе широкія „альтруистическія" побужденія свои она окрашиваетъ въ особый классовый цвѣтъ.

*) Несомнѣнно, условія жизни средней и низшей интеллитенціи при самодержавіи стали крайне неустойчивы. Правда, наша интеллигенція не встрѣтилась еще серьезно, какъ западная, съ безработицей и собственнымъ „перепроизводствомъ"; но политическія и соціальныя условія сдѣлали жизнь ея, поистинѣ, областью случайностей.

Интеллигенція уже по самому своему промежуточному соціальному положенію и высокому развитію общественнаго чувства менѣе всего способна ограничиваться узкимъ кругомъ профессіональныхъ интересовъ. Она живо воспринимаетъ интересы сосѣднихъ классовъ. Но то же срединное положеніе придаетъ характерныя формы этимъ ея стремленіямъ. Не являясь владѣльческимъ классомъ, не будучи эксплоатирующей стороной въ общественной системѣ труда, она способна раздѣлять интересы трудящихся и эксплоатируемыхъ классовъ. Отсюда—ея стремленія къ соціально-экономическому реформаторству, а также—къ демократизаціи политическихъ правъ. Но съ другой стороны, въ качествѣ привиллегированнаго и обезпеченнаго слоя, она не можетъ стать и рѣшительнымъ врагомъ своего сосѣда справа—буржуазіи. Ей остается поэтому средняя позиція среди этихъ противоположныхъ интересовъ—позиція компромисса.

Дѣйствительно, демократизмъ нашего буржуазно-интеллигентскаго либерализма является лишь относительнымъ. О немъ можно говорить, пока сравниваемъ этотъ типъ съ цензовымъ либерализмомъ владѣльческой и дѣловой буржуазіи. Но онъ далеко не осуществляетъ собою даже полнаго буржуазнаго демократизма. Ни въ политической, ни въ соціально-экономической программѣ онъ не идетъ послѣдовательно до конца, не заполняетъ тѣхъ широкихъ границъ равноправія и народовластія, которыя совмѣстимы еще съ началами буржуазнаго порядка. Отрицаніе сувереннаго учредительнаго собранія, монархическій принципъ, ограничивающій даже права обыкновеннаго представительства, допущеніе двухпалатной системы,—а съ другой стороны, такія частичныя экономическія реформы, какъ аграрная въ к. д-ской программѣ—вотъ примѣры обычныхъ стремленій этого либерализма. Но, какъ мы уже говорили, общественныя направленія еще лучше познаются, не по своимъ программнымъ проявленіямъ, а по общей тактикѣ борьбы и по позиціи, занимаемой среди другихъ общественныхъ силъ и явленій. Въ этомъ отношеніи огра-

ниченность демократизма у этого направленія еще очевиднѣе. Оно не спускается въ массы, не организуетъ ихъ непосредственно снизу, становясь въ ихъ ряды, какъ настоящіе демократы. Оно только просвѣщаетъ, пропагандируетъ академически, въ оффиціальныхъ собраніяхъ, въ печати, на выборахъ, ограничивается легальными и барскими пріемами просвѣтительства. Не связанный опредѣленно съ какой-либо активной массой, этотъ либерализмъ сторонится революціонныхъ методовъ борьбы и стихійно-революціонныхъ массовыхъ движеній. Онъ стремится ввести ихъ возможно скорѣе въ мирное парламентское русло, гдѣ надѣется вынудить уступки, соглашеніе со старой властью, путемъ голосованій, словесной критики, резолюцій; словомъ, это не революціонеры, а только резолюціонеры. Инымъ и не можетъ быть общественный слой, страдающій отъ стараго режима, главнымъ образомъ, духовно, слабо задѣтый имъ въ самыхъ основныхъ, матеріальныхъ условіяхъ существованія. Довольно еще обезпеченный матеріально и при самодержавіи, онъ не находится въ положеніи тѣхъ классовъ, для которыхъ эта борьба есть дѣло простого самосохраненія, вопросъ жизни, у которыхъ условія существованія обстоятъ такъ, что впереди—врагъ, а позади—голодъ, что приходится выбирать между рискомъ отчаянной борьбы и вѣрнымъ изнуреніемъ въ мирѣ.

Однако не надо смѣшивать нашъ буржуазно-интеллигентскій либерализмъ съ обыкновеннымъ буржуазнымъ либерализмомъ Запада: нашъ, во всякомъ случаѣ, демократичнѣе, „лѣвѣе“ того. Скорѣе мы найдемъ аналогіи ему въ теченіяхъ позднѣйшаго „соціальнаго“ либерализма и радикализма передовыхъ странъ: таковы „либералы“ въ Англіи, „соціалъ-либералы“ въ Германіи (Бартъ, Науманъ), радикалы во Франціи *). Дѣло въ томъ, что старый, манчестерскій либерализмъ сталъ теперь въ этихъ странахъ направленіемъ собственно владѣльческой, дѣловой буржуазіи и очень близокъ къ положенію консерватизма. Уже прошло то время, когда онъ объединялъ чрезвычайно широкіе общественные круги не только владѣльческіе, но и интеллигентскіе. Это было на зарѣ капиталистическаго общества, когда оно въ му-

*) Наши кадеты, какъ извѣстно, считаютъ своими „товарищами“ несоціалистическихъ членовъ теперешняго французскаго министерства Клемансо.

кахъ борьбы, выбивалось изъ нѣдръ феодальнаго порядка, съ его хищными „исконными“ привиллегіями. Когда же побѣда была одержена, когда новый строй водворился и развилъ присущія ему силы,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои привиллегіи,—дѣйствительный либерализмъ могъ состоять, ни въ чемъ иномъ, какъ въ стремленіи демократизировать этотъ новый строй, смягчать его новыя привиллегіи, реформировать его, насколько это было возможно безъ его полнаго отрицанія. Этимъ и занялись повсюду буржуазно-демократическіе слои интеллигенціи; къ числу ихъ принадлежитъ и наше кадетство.

Возвращаясь къ домашнимъ дѣламъ, мы должны замѣтить, что общественная сила этого направленія у насъ довольно значительна. Она опредѣляется прежде всего возрастающей ролью въ жизни страны того общественнаго слоя, который составляетъ главное ядро направленія. Съ того времени, какъ развитіе производительныхъ силъ становится возможнымъ лишь на почвѣ дальнѣйшаго роста техники и спеціализаціи, профессіональная интеллигенція, эта носительница высшаго спеціальнаго знанія, становится все болѣе важнымъ дѣятелемъ въ общей экономіи страны. Безъ нея не можетъ обойтись: ни капиталистическое предпріятіе, ни правительственное учрежденіе, ни даже самое реакціонное помѣщичье земство. Она проникла во всѣ сферы народной жизни и пріобрѣла огромное вліяніе. Черезъ ея руки проходятъ всѣ нити народнаго образованія, народной медицины, мѣстной статистики. Черезъ нее шли къ народу и техническія улучшенія и культурно-просвѣтительная помощь; она руководила, наконецъ, и всей прогрессивной печатью. Все это дало въ руки направленію, въ періодъ его политическаго формированія, огромныя силы, опорные организаціонные пункты и обусловило его широкую популярность. Этому же содѣйствовалъ его т. н. „внѣклассовый“ характеръ.

Соціологъ-реалистъ, достаточно искушенный въ разныхъ „экстравагантныхъ“ свойствахъ общественной идеологіи, конечно, только улыбнется скептично, встрѣтивъ подобное афишированіе „внѣклассоваго“ характера партіи: ужъ очень много и долго учила насъ соціальная исторія глядѣть на землю, слыша даже самые небесные звуки. Не остановится ли, однако, этотъ скептикъ съ недоумѣніемъ передъ соціальнымъ смысломъ нашего кадетства?

Можетъ быть, оно, дѣйствительно, не выражаетъ стремленій какого-нибудь опредѣленнаго класса или группы? Всѣмъ предыдущимъ анализомъ мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ: мы имѣемъ здѣсь дѣло съ интересами и типической идеологiей довольно опредѣленной группы—интеллигенцiи. То обстоятельство, что задачи партiи далеко не ограничиваются узкимъ кругомъ профессiональныхъ интеллигентскихъ интересовъ, ничего не опровергаетъ: какъ мы уже говорили, такихъ узко-классовыхъ партiй вообще не бываетъ; всѣ выходятъ за предѣлы своихъ частныхъ интересовъ, дѣлая тѣ или другiя уступки (особенно за чужой счетъ), ставя болѣе широкiя задачи. Но дѣло въ томъ, что и въ это они вносятъ тѣ же характерныя черты и прiемы, какiе вытекаютъ изъ ихъ соцiальнаго положенiя и интересовъ; а это мы достаточно видѣли у нашего кадетскаго либерализма.

При всемъ томъ, является несомнѣннымъ межклассовый характеръ этого направленiя такъ же, какъ и самой привиллегированной интеллигентской группы. Это и толкаетъ ее на общественные компромиссы, на „практическую политику", на задачи только ближайшаго будущаго въ направленiи равнодѣйствующей борющихся силъ, на осуществленiе культурнаго буржуазнаго порядка. И въ этомъ же—причина популярности направленiя въ странѣ развивающагося капиталистическаго строя. Дѣйствительно, этотъ либерализмъ привлекаетъ въ свои ряды значительныя силы даже изъ неинтеллигентскихъ общественныхъ слоевъ. Таковы: передовая буржуазiя, полагающаяся болѣе на свою экономическую силу, чѣмъ на привиллегiи и административную поддержку; всѣ вообще владѣльческiе элементы, предпочитающiе съ капиталомъ въ рукахъ „свободную конкурренцiю" вмѣсто стараго режима, и понимающiе невозможность побѣдить его безъ уступокъ демократiи; далѣе—группы наемнаго, но раздробленнаго труда и промысла, чиновничество, часть мѣщанства—словомъ всѣ тѣ слои, которые достаточно испытали на себѣ прелести разныхъ традицiонныхъ основъ, но не склонны, по своему имущественному положенiю или по обстановкѣ своего труда, къ боевому, слишкомъ требовательному демократизму.

Перейдемъ теперь къ сосѣднимъ типамъ либерализма.

Справа отъ буржуазно-интеллигентскаго направленiя, въ качествѣ переходнаго типа между нимъ и крупно-владѣльческимъ,

стоитъ т. н. земскiй конституцiонализмъ. Мы уже упоминали мимоходомъ о возникновенiи особаго прогрессивнаго помѣщичьяго слоя подъ влiянiемъ разложенiя устоевъ феодальнаго хозяйства. Это тѣ культурные элементы дворянства, которые, отколовшись отъ остальной массы падающаго класса, тяготѣютъ по своимъ занятiямъ и по мiровоззрѣнiю къ буржуазной культурѣ новаго общества. Въ нихъ мы должны видѣть не столько помѣщиковъ, сколько членовъ свободныхъ профессiй, интеллигентовъ: это помѣщики-юристы, помѣщики-профессора, специализировавшiеся земскiе дѣятели и т. д. Большею частью они уже не ведутъ хозяйства, особенно лично, и потому остаются въ сторонѣ отъ безчисленныхъ дрязгъ и дикостей деревенскихъ отношенiй. Сосредоточивая свои интересы и дѣятельность на общественной или профессiональной работѣ, они довольствуются въ отношенiи къ своимъ земельнымъ владѣнiямъ ролью рантьеровъ, при томъ не очень притязательныхъ, такъ какъ земля обыкновенно не является для нихъ единственнымъ источникомъ существованiя.

Съ другой стороны, въ окружающемъ режимѣ они встрѣчаютъ для своей дѣятельности тѣ же условiя, что и обезпеченная, профессiональная интеллигенцiя. Такимъ образомъ, стоя въ оппозицiи къ режиму по политическимъ воззрѣнiямъ и склонные къ нѣкоторымъ уступкамъ въ аграрной области, они значительно приближаются по общественному типу къ либерализму буржуазно-интеллигентскому, хотя, конечно, тяжелый грузъ наслѣдственныхъ помѣстiй и барства не остается безъ влiянiя на степень ихъ демократизма, въ сравненiи съ интеллигенцiей. Во всякомъ случаѣ, въ противоположность цензовому умѣренному либерализму крупно-владѣльческихъ слоевъ, этотъ отнюдь не носитъ аггрессивнаго узко-классоваго характера, такъ какъ и практически одной ногой стоитъ внѣ этихъ исключительно владѣльческихъ интересовъ. По своимъ стремленiямъ къ соглашенiю, компромиссу между противоположными соцiальными интересами онъ близокъ къ обезпеченной интеллигенцiи; только болѣе ограниченные предѣлы уступчивости и главное еще менѣе демократичные методы политической дѣятельности, народобоязнь, выдаютъ въ немъ „дурную наслѣдственность".

Несмотря на сравнительную немногочисленность своихъ носителей, земскiй конституцiонализмъ игралъ замѣтную роль при

первыхъ проблескахъ общественнаго движенія; это потому, что въ рукахъ либеральныхъ земцевъ было въ то время значительное число земскихъ самоуправленій, дававшихъ имъ опорные пункты для барской пропаганды и организаціи. Впослѣдствіи, съ появленіемъ партійныхъ организацій, этотъ либерализмъ составилъ правое крыло кадетства.

Намъ остается намѣтить еще только одинъ типъ нашего либерализма; это либерализмъ демократическій, иначе — радикализмъ. Къ сожалѣнію, онъ является до сихъ поръ наименѣе оформленнымъ теченіемъ нашего буржуазнаго демократизма. Онъ находится еще въ періодѣ броженія удачныхъ и неудачныхъ организаціонныхъ попытокъ. Это, конечно, сильно затрудняетъ его соціологическій анализъ. Однако, несомнѣнно, что въ основаніи его лежатъ интересы и тенденціи мелко-буржуазныхъ эксплоатируемыхъ массъ — крестьянства, мѣщанства и экономически низшаго слоя профессіональной интеллигенціи.

Уже самое разнообраніе перечисленныхъ группъ говоритъ о значительной сложности этого буржуазно-демократическаго движенія. Съ другой стороны, низкій уровень культуры подавляющихъ массъ мелкой буржуазіи служитъ причиной идеологической неоформленности и политической отсталости соотвѣтствующихъ теченій. Однако, нѣкоторыя характерныя группы уже намѣчаются. Таковы, во-первыхъ, сохранившіеся профессіонально-политическіе союзы „малой“ интеллигенціи: с. желѣзнодорожный, почтово-телеграфный, медицинскій (преимущественно земскіе врачи) и учителей низшихъ школъ, — сюда принадлежитъ вообще лѣвая часть бывшаго „Союза Союзовъ“. Вся эта интеллигенція борется здѣсь какъ за свои собственные интересы, такъ и за интересы другихъ эксплоатируемыхъ классовъ, какъ она понимаетъ ихъ. Съ другой стороны, есть группы, гдѣ эти интересы мелко-буржуазныхъ массъ, особенно крестьянства, являются доминирующими; таковы: „крестьянскій союзъ“, „трудовая группа“, безформенная группа „лѣвѣе кадетовъ“ [1]) и т. п. Свободный отъ узъ обезпеченности и привилегированности, — весь этотъ сборный радикализмъ идетъ и въ политической и въ соціальной области значительно дальше кадетскаго либерализма высшей и средней интеллигенціи. При крайнемъ разнообразіи и неупорядоченности платформъ у этихъ круговъ, мы не станемъ входить здѣсь въ детальное ихъ разсмотрѣніе. Такъ же разнообразны и методы борьбы, всегда однако стоящіе ближе къ массамъ, чѣмъ у кадетовъ.

[1]) Мы не причисляемъ сюда партіи мелко-буржуазнаго соціализма (с.-ры, „народные соціалисты“), которые — какъ бы ни оцѣнивали ихъ во внутренней соціалистической политикѣ — все же пока — соціалисты.

Однако, главное своеобразіе этихъ соціально-политическихъ теченій состоитъ въ томъ, что при всемъ своемъ радикализмѣ они часто оказываются реакціонными экономически. Это вытекаетъ изъ самаго соціальнаго положенія мелкой буржуазіи. Ея радикализмъ, революціонность отражаютъ лишь фактъ сильной эксплоатаціи ея высшими классами. Но вся объективная обстановка труда и хозяйства толкаетъ ее не на принципіальное отрицаніе соціальнаго строя, а на борьбу за свое возвышеніе, какъ мелкихъ собственниковъ. Понятно, что въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, когда лишь концентрація капитала ведетъ къ производственному прогрессу — стремленія раздробить владѣніе и закрѣпить эту дробность являются реакціонными. Это мы и видимъ въ обычныхъ „уравнительныхъ“ тенденціяхъ нашей непролетарской демократіи.

II. Организація и выступленія либерализма передъ революціей (1903—4 г.).

При господствѣ самодержавія различныя враждебныя ему общественныя силы организуются нелегально въ извѣстной послѣдовательности. Рѣшающее значеніе имѣетъ здѣсь сила класса или группы, находящихся въ оппозиціи, и степень противорѣчія между режимомъ и интересами этой группы, т.-е. степень ея революціонности.

Въ послѣднія десятилѣтія режима оба эти момента были налицо въ наибольшей степени въ рабочихъ массахъ нашей крупной промышленности; отсюда наиболѣе ранняя и дѣятельная организація соціалистическихъ группъ. Отъ нихъ значительно отсталъ либерализмъ. Онъ не имѣлъ за собой такого сильнаго класса: интеллигенція и буржуазія не могли итти въ сравненіе съ болѣе однородной и концентрированной рабочей массой. Съ

другой стороны и степень противорѣчія ихъ съ самодержавіемъ не была такъ велика, какъ у рабочаго класса; „духовное“ угнетеніе, застой въ дѣлахъ, національный позоръ—все это мотивы, не идущіе въ сравненіе по интенсивности съ голодомъ. Такимъ образомъ либерализмъ вообще сталъ организоваться и позже, и менѣе энергично.

Та же закономѣрность видна и въ порядкѣ выступленія на путь нелегальной организаціи разныхъ частей этого либерализма. Демократическій либерализмъ (радикализмъ), наиболѣе революціонный,—защищающій интересы самыхъ непримиримыхъ группъ, не обладалъ однако достаточно развитой общественной почвой и, оставаясь кружковымъ, не могъ создать опредѣленныхъ политическихъ организацій, особенно въ трудныхъ условіяхъ подполья. Обратное соотношеніе данныхъ было у противоположнаго крайняго фланга либерализма—у крупно-владѣльческаго. Этотъ имѣлъ за собой вполнѣ опредѣленный и сознательный классъ—деловую буржуазію; но у него не было нужной степени противорѣчія съ режимомъ, гдѣ онъ былъ ближе къ господствующимъ, чѣмъ къ угнетеннымъ. Такимъ образомъ, только средній буржуазно-интеллигентскій либерализмъ совмѣщалъ въ себѣ достаточныя данныя для болѣе активной политики; онъ имѣлъ за собой нѣкоторые, все же значительные слои и былъ достаточно задѣтъ самодержавіемъ, чтобы готовиться къ борьбѣ съ нимъ; онъ поэтому и организовался раньше своихъ собратій,

Лѣтомъ 1903 г., во время поѣздки на Шварцвальдъ группы общественныхъ дѣятелей и литераторовъ (ок. 20 чел.) во главѣ съ И. Петрункевичемъ, было положено начало „Союзу Освобожденія“, организовавшемуся окончательно съ начала января 1904 г. Это тайное политическое общество ставило себѣ цѣлью борьбу съ самодержавіемъ за конституцію, для чего должно было объединить всѣ разрозненные оппозиціонные элементы общества и нести пропаганду въ слои, еще не затронутые ею. Союзъ состоялъ преимущественно изъ интеллигенціи свободныхъ профессій и лишь въ меньшей части—изъ земцевъ-помѣщиковъ [1]).

[1]) Обстоятельства уже позволяютъ привести здѣсь нѣкоторыя имена, такъ какъ это хорошо характеризуетъ составъ общества: князья Петръ и Пав. Долгоруковы, кн. Львовъ, Н. Н. Львовъ, Ю. Спасскій, Брюхатовъ, кн. Д. И. Шаховской, Родичевъ, де-Роберти, проф. Вернадскій, проф. Булгаковъ, проф. Новгородцевъ, пр.-доц. Гревсъ, проф. П. Милюковъ, П. Струве, Кистяковскій, М. Туганъ-Барановскій, проф. С. Котляревскій, Богучарскій (Яковлевъ), Жуковскій, С. Прокоповичъ, И. Петрункевичъ, Кускова, Шредеръ, Пѣшехоновъ, Анненскій, Короленко, Н. Соколовъ, Хижняковъ, Н. Н. Ковалевскій и мн. др.

Въ политическомъ отношеніи этотъ составъ былъ чрезвычайно разнороденъ. Въ то время какъ лѣвая часть Союза тянула къ демократическому радикализму и частью къ соціализму, правая держалась скромнаго земскаго конституціонализма—иногда настолько умѣреннаго, что впослѣдствіи онъ не нашелъ себѣ мѣста даже въ правомъ крылѣ к.-д-ской партіи (Н. Н. Львовъ и др.). Естественно поэтому, что Союзъ, стремившійся къ объединенію, долгое время оставался безъ опредѣленной программы [1]) и тактики, а въ организаціонномъ отношеніи держался федеративнаго устройства; автономные губернскіе комитеты слабо объединялись центральнымъ Совѣтомъ (10 членовъ).

Правая часть Союза, земцы, имѣли одновременно и свою собственную организацію, такъ какъ имъ приходилось имѣть дѣло съ особой общественной средой—земствами. Именно осенью того же 1903 г. они объединяются въ особый Союзъ „земцевъ-конституціоналистовъ“. Немногочисленная въ это время сама по себѣ (нѣсколько десятковъ членовъ), эта организація имѣла впослѣдствіи руководящее значеніе въ земскомъ либерализмѣ 1904—5 г.г.

Обѣ организаціи устраиваютъ періодическіе съѣзды и время отъ времени издаютъ свои воззванія. Союзъ въ цѣломъ обращается при этомъ обыкновенно къ народу и обществу, земцы-конституціоналисты—преимущественно къ земскимъ работникамъ (въ видѣ отдѣльныхъ писемъ). Періодическимъ органомъ, близкимъ къ обѣимъ организаціямъ, хотя и не оффиціально-партійнымъ, было двухнедѣльное „Освобожденіе“.

Конспиративное существованіе либерализма было довольно тускло. Подполье было для него еще большимъ тормазомъ, чѣмъ для соціалистическихъ группъ, такъ какъ либерализмъ не имѣлъ за собой такихъ концентрированныхъ и однородныхъ массъ, какъ соціалисты. Интеллигенцію составляли элементы очень разбросанные и неоднородные, жившіе въ индивидуалистическомъ ра-

[1]) По нѣкоторымъ даннымъ, Союзомъ признавались въ общей формѣ принципъ всеобщаго изб. права и необходимости соціальныхъ реформъ.

зобщенiи; нечего уже и говорить о степени революцiонности этого довольно обезпеченнаго слоя съ его межклассовымъ положенiемъ.

Обѣ организацiи не обладали поэтому большой активностью и опредѣленными планами и средствами борьбы. Онѣ были достаточно академичны, чтобы терпѣливо довольствоваться безформеннымъ состоянiемъ программы и, главное, тактики. Только сгущенiе политической атмосферы и приближенiе общественной бури могло заставить ихъ болѣе опредѣленно намѣтить свою позицiю.

Уже въ 1903 г. появились тревожные признаки наростающаго общественнаго протеста противъ режима и близкой борьбы. Громадныя рабочiя волненiя на югѣ съ политической окраской, оживленiе противоправительственнаго террора, непрекращающiяся волненiя учащейся молодежи—а съ другой стороны, контръ-революцiонные еврейскiе погромы, поощряемые правительствомъ, усиленныя охранительныя кары — все это повышало внутреннее напряженiе еще скрытыхъ общественныхъ силъ. Но если эти проявленiя не отличались новизною, то въ 1904 г. появились и другiя.

Интеллигенцiя, уже давно боровшаяся по-своему съ режимомъ въ земствахъ, адвокатурѣ, обществахъ, въ печати, — въ январѣ 1904 г. открыто и рѣзко демонстрируетъ свой протестъ противъ режима на пироговскомъ и техническомъ съѣздахъ, закрытыхъ администрацiей Плеве и вызвавшихъ аресты. Тревоги начавшейся съ конца января войны еще болѣе усилили общее напряженiе политической атмосферы; могучiй внѣшнiй толчекъ грозилъ всколыхнуть внутреннiя отношенiя застоявшагося гиганта и заставлялъ ожидать новыхъ событiй и перемѣнъ.

Въ это время и либерализмъ начинаетъ готовиться къ борьбѣ. Тогда, какъ I-ый (учредительный) съѣздъ „Союза Освобожденiя“ въ первыхъ числахъ января 1904 г. оставилъ даже неразсмотрѣнными вопросы тактики, внесенные его лѣвой—лѣтомъ того же года освобожденцы уже настолько думаютъ о предстоящихъ дѣйствiяхъ, что ищутъ союзниковъ. Начатые въ маѣ переговоры приводятъ осенью къ общей „конференцiи оппозицiонныхъ и революцiонныхъ организацiй“ (въ Парижѣ), гдѣ либерализмъ входитъ въ политическiй блокъ со слѣдующими группами: с.-р-ами, польской соцiалистической партiей, грузинской партiей соцiалистовъ-федералистовъ-революцiонеровъ (Сакартвело), армянской революцiонной федерацiей (Дрошакъ), польской нацiональной лигой, финляндской партiей активнаго сопротивленiя [1]). Вотъ платформа соглашенiя:

1) Уничтоженiе самодержавiя; отмѣна всѣхъ мѣръ, нарушившихъ конституцiонныя права Финляндiи.

2) Замѣна самодержавнаго строя свободнымъ демократическимъ режимомъ, на основѣ всеобщей подачи голосовъ.

3) Право нацiональнаго самоопредѣленiя...

„Во имя этихъ основныхъ принциповъ и требованiй, представленныя на конференцiи партiи соединятъ свои усилiя для ускоренiя неизбѣжной гибели абсолютизма, одинаково несовмѣстимаго съ достиженiемъ всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ разнообразныхъ цѣлей, которыя становитъ себѣ каждая изъ этихъ партiй“.

Трудно сказать, какое практическое значенiе имѣлъ этотъ блокъ организацiй, существенно разнородныхъ не по программѣ только, но и по тактикѣ. Несомнѣнна только одна положительная сторона этого акта: онъ вовлекалъ въ общую революцiонную борьбу различныя сепаратистскiя нацiональныя теченiя. Едва ли можно указать на другiя конкретныя послѣдствiя или практическiя примѣненiя этого договора. По крайней мѣрѣ, въ исторiи освободительной дѣятельности либерализма намъ не придется встрѣчаться съ ними. Какъ бы то ни было, это соглашенiе было несомнѣннымъ симптомомъ новаго настроенiя у либерализма: предчувствуя близость политическаго кризиса, онъ хотѣлъ принять практическое участiе въ борьбѣ. Дѣйствительно, его оцѣнка политической обстановки была правильной.

Первый ударъ грома въ сгустившейся атмосферѣ послѣдовалъ со стороны с.-р-овъ: 15 iюля бомба взрываетъ Плеве. Послѣ нѣкоторыхъ колебанiй правительство, напуганное въ августѣ неудачами флота и ляоянскимъ отступленiемъ, рѣшило тоже сдѣлать маленькое тактическое отступленiе: оно стало пытать мѣры кротости. 26 августа назначается министромъ внутр. дѣлъ кн. Святополкъ-Мирскiй, возвѣстившiй злосчастное „довѣрiе“; общество зашевелилось.

---

[1]) Впослѣдствiи къ блоку присоединилась „Бѣлорусская соцiалистическая громада“. *Условное* участiе въ рѣшенiяхъ конференцiи приняла и „Латышская с.-д-ая партiя“; русскiе с.-д-ы уклонились отъ участiя въ блокѣ, охраняя „чистоту знамени“, съ чѣмъ, впрочемъ, не согласился тогда Vorwärts.

Только тогда Союзъ рѣшается, наконецъ, хотя нѣсколько оформить свою платформу и тактику. Къ октябрю 1904 г. среди освобожденцевъ назрѣваетъ окончательно мысль пополнить свой неопредѣленный конституціонализмъ демократическими принципами. Въ половинѣ октября „Освобожденіе“, отвѣчая на упреки своего корреспондента въ недостаткѣ партійной сплоченности и демократизма, заявляетъ: „Наши друзья уже вышли изъ періода подготовительнаго обсужденія этихъ двухъ кардинальныхъ вопросовъ и поглощены заботой о томъ, какъ свою политическую мысль и свою рѣшимость дѣйствовать практически-цѣлесообразно воплотить въ реальный политическій актъ“. (№ 58, передов.).

Дѣйствительно, II съѣздъ Союза въ томъ же октябрѣ пополняетъ свою платформу принципомъ всеобщаго прямого и равнаго избират. права, но главное—онъ принимаетъ уже и болѣе опредѣленныя тактическія рѣшенія. Соотвѣтствующій докладъ, представленный Совѣтомъ подъ вліяніемъ опять же лѣвыхъ элементовъ, намѣчаетъ сравнительно опредѣленный планъ дѣйствій—въ томъ числѣ знаменитое „самочинное“ осуществленіе свободъ. Докладъ былъ принятъ съѣздомъ—и этимъ Союзъ взялъ на себя иниціативу ближайшихъ выступленій либерализма. Таковымъ была ноябрьская земско-городская и банкетная кампанія, организованная освобожденцами.

Дѣйствительно, чуть ослабѣли полицейскія возжи въ рукахъ довѣрчиваго министра, либерализмъ тотчасъ выступаетъ на авансцену; онъ спѣшитъ высказать накипѣвшее негодованіе и демонстративно формулируетъ свои требованія и пожеланія. При этомъ сразу намѣчаются два его теченія—хотя намѣчаются пока еще чисто пассивно, безъ открытаго взаимнаго антагонизма. Владѣльческій цензовый либерализмъ болѣе умѣренныхъ земскихъ и городскихъ самоуправленій, къ которымъ было непосредственно обращено довѣріе, ограничивался преимущественно благодарственными адресами и привѣтствіями; только часть самоуправленій пользуется случаемъ заявить при этомъ скромныя притязанія на расширеніе своихъ правъ [1]) и самое большее—надежду на улучшеніе экономическаго и правового

1) Тираспольское уѣздн. земск. собраніе, Юрьевъ-Подольское, Коломенское, Хвалынское, Гороховецкое, Черниговское, Московское, Московская Дума и пр.

положенія народа, на желательное „господство закона“ во всѣхъ сферахъ внутренняго управленія [1]).

Напротивъ, буржуазно-интеллигентскій либерализмъ, ютившійся въ редакціяхъ, въ старыхъ профессіональныхъ организаціяхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, выступаетъ подъ руководствомъ освобожденцевъ общей политической критикой и требованіями. Такъ еще 23-го октября, въ Саратовѣ, „Санитарное Общество“ въ открытомъ засѣданіи постановляетъ отправить министру телеграмму съ заявленіемъ, что „для Общества очевидна необходимость того, чтобы возвѣщенное Вашимъ Сіятельствомъ довѣріе къ творческимъ силамъ страны нашло себѣ выраженіе въ прочныхъ формахъ участія представительства всего русскаго народа въ законодательствѣ и управленіи“.

Въ Курскѣ въ первыхъ числахъ ноября собраніе „Общества содѣйствія начальному образованію“ формулируетъ, помимо спеціальныхъ нуждъ своей области, требованія общихъ политическихъ свободъ: свободу устнаго и печатнаго слова, собраній, неприкосновенность личности и пр.

Яснѣе всего эта болѣе широкая и смѣлая позиція буржуазно-интеллигентскаго либерализма проявляется въ руководимой ею печати. Тонъ либеральныхъ органовъ сильно повысился; даже осторожныя „Русскія Вѣдомости“ стали „выражаться“ по поводу господствующей бюрократіи, сравнивая ее съ опричниной (№ отъ 17 окт.) Такіе журналы, какъ „Право“, вели еще болѣе энергичную пропаганду; наконецъ, съ 1 ноября стала выходить „Наша Жизнь“, отражавшая уже лѣвыя освобожденскія теченія.

Но все это было сравнительно слабо и разрозненно, пока не заговорила тяжелая артиллерія либерализма: мы разумѣемъ съѣздъ земскихъ дѣятелей 6-9 ноября.

Исторія земскихъ съѣздовъ восходитъ къ веснѣ 1902 г., когда состоялся первый такой съѣздъ въ Москвѣ и здѣсь же, при Губернской Управѣ съ Д. Шиповымъ во главѣ образовалось „Организаціонное бюро земскихъ съѣздовъ“.

Вопросы, занимавшіе эти ранніе съѣзды, обыкновенно не выходили изъ круга интересовъ земскаго самоуправленія и имѣли

1) Воронежское у. з. собр., Екатеринославское, Елецкое, Балашовское, Удгимское, Устюжское, Богородицкое, Сумское и др.

лишь такое же косвенное отношеніе къ политической борьбѣ, какъ и всякая культурная работа того времени. Заботы о земскихъ нуждахъ, о культурномъ и экономическомъ возвышеніи населенія были неизбѣжно пропитаны политическими и особенно противоправительственными тенденціями. Такимъ образомъ, земскіе съѣзды, наряду съ нѣкоторыми обществами (напр., знаменитый „комитетъ грамотности"), были въ сущности главными и старѣйшими легальными политическими организаціями либерализма. Правительство понимало это и, не обманываясь видимостью, вело постоянную и крайне мелочную борьбу противъ этихъ съѣздовъ, что и вынудило ихъ носить неоффиціальный „самочинный" характеръ [1]). Представляя собой прогрессивные круги земства, организаціонное бюро, какъ и самый составъ съѣздовъ, объединяли въ себѣ все же крайне разнородные элементы: здѣсь наряду съ убѣжденными либералами-конституціоналистами были и такіе умѣренные прогрессисты, какъ славянофильскіе сторонники самодержавія, отрицавшіе лишь его современную бюрократическую форму и политику. Все это мирно уживается вмѣстѣ въ силу ограниченности вопросовъ, затрагиваемыхъ въ это время общественной дѣятельностью земствъ.

По мѣрѣ обостренія политическаго положенія разслаиваются и эти верхи земскаго управленія. Съ образованіемъ „Союза Освобожденія" лѣтомъ 1903 г. земскіе его члены стремятся, какъ мы видѣли, объединить и организовать конституціонные элементы своей среды; осенью того же года образуется уже небольшая группа земцевъ-конституціоналистовъ въ качествѣ сплоченнаго ядра будущихъ съѣздовъ.

Такимъ образомъ къ концу 1904 г. въ обстановкѣ земскихъ съѣздовъ измѣнилось многое: и политическія условія, все болѣе обострявшіяся, и дифференціація самой правящей земской среды. Однако, для послѣдней характерно, что все же ноябрьскій съѣздъ этого года былъ предположенъ первоначально по тому же

[1]) Такъ, съѣздъ 1902 г., занимавшійся вопросами о предстоявшей дѣятельности въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ, всполошилъ министерство Плеве. Правительство прибѣгаетъ при этомъ къ очень оригинальной мѣрѣ: участникамъ съѣзда вручается черезъ губернаторовъ „Высочайшій указъ", который долженъ былъ однако остаться „конфиденціальнымъ". Возмущенные земцы однако не послушались и въ 1903 г. устроили второй съѣздъ.

типу, съ тѣмъ же кругомъ вопросовъ, какъ и прежніе съѣзды. Лишь случайное вмѣшательство министра внутр. дѣлъ, узнавшаго о съѣздѣ и пожелавшаго, при своей политикѣ довѣрія, придать съѣзду оффиціальный характеръ, заставляетъ бюро измѣнить свои планы. Оффиціальный всероссійскій земскій съѣздъ въ такой острый моментъ политической жизни казался слишкомъ автотитерной и соблазнительной позиціей, чтобы не использовать ее достойнымъ образомъ. И бюро тотчасъ расширяетъ первоначальную программу, включивъ въ нее вопросы, волновавшіе всю страну.

Вѣсти о предстоящемъ съѣздѣ уже проникли въ печать и общество и во многихъ кругахъ его будили надежды. Начали вырабатывать проекты обращенія къ съѣзду, вербовать ему моральную поддержку. Узнавъ новую программу съѣзда, правительство встревожилось и, измѣнивъ своему рѣшенію, отказало въ оффиціальномъ признаніи съѣзда. Но оно уже напрасно пыталось отложить его или хотя бы перенести изъ Петербурга въ Москву: организаторы не слушались и предпочли вернуться къ неоффиціальной постановкѣ дѣла, чѣмъ измѣнить въ чемъ-нибудь свой планъ.

Съѣздъ открылся 6-го ноября въ Петербургѣ на частной квартирѣ. Въ составѣ его членовъ (88—104 чел.) были: 32 предсѣдателя губернскихъ земскихъ управъ (при общемъ ихъ числѣ 34), много членовъ губернскихъ управъ и предсѣдателей уѣздныхъ, нѣсколько предводителей дворянства и гласныхъ, извѣстныхъ своей земской дѣятельностью. Этотъ послѣдній критерій устанавливался, конечно, организаціоннымъ бюро, составъ котораго, какъ мы видѣли, хотя не носилъ партійнаго характера, но былъ вобще прогрессивнымъ.

Итакъ съѣздъ не былъ общеземскимъ, не выражалъ мнѣній большинства земскихъ управленій; онъ былъ частнымъ совѣщаніемъ лишь прогрессивной части земствъ—что и самъ признавалъ оффиціально.

Резолюціи съѣзда содержатъ слѣдующія главныя требованія: свобода слова и печати, собраній, союзовъ, свобода совѣсти, неприкосновенность личности и жилища; уравненіе всѣхъ гражданъ въ политическихъ правахъ, уравненіе крестьянъ съ другими сословіями въ личныхъ правахъ; реформа земскаго само-

управленія съ привлеченіемъ къ нему „по возможности всѣхъ наличныхъ силъ населенія“; отмѣна исключительныхъ положеній и политическая амнистія. Наконецъ, главная политическая резолюція съѣзда гласитъ: „для обезпеченія правильнаго развитія государственной и общественной жизни безусловно необходимо правильное участіе народнаго представительства, какъ особаго выборнаго учрежденія, въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ, въ контролѣ за законностью дѣйствій администрціи“.

При голосованіи пункта о „законодательной власти“ въ этой резолюціи—обнаружилися и политическій составъ съѣзда. Большинство, руководимое „союзомъ земцевъ-конституціоналистовъ“, имѣло 60 гол., славянофилы съ Шиповымъ во главѣ—38; вся резолюція о народномъ представительствѣ принята большинствомъ 71 противъ 27 [1]). Такимъ образомъ, ранѣе организовавшіеся либералы-конституціоналисты взяли верхъ надъ славянофильскимъ цензовымъ либерализмомъ.

Какъ видимъ, постановленія съѣзда далеко не дали ясной и полной формулировки обычныхъ впослѣдствіи демократическихъ принциповъ: мы не видимъ здѣсь ни учредительнаго собранія, ни народовластія, ни полнаго демократическаго избирательнаго права. Не менѣе характерно полное отсутствіе требованія демократическихъ соціальныхъ реформъ и такой по истинѣ демократической свободы, какъ свобода стачекъ. Наконецъ, и тактическая сторона резолюцій очень типична для либерализма обезпеченныхъ классовъ, совсѣмъ не склоннаго къ революціонной борьбѣ за чужіе интересы. Земцы обращаются не къ массѣ, эксплоатируемой самодержавіемъ, а къ власти; и обращаясь къ ней, съѣздъ лишь „выражаетъ надежду, что Верховная Власть призоветъ свободно избранныхъ представителей народа, дабы, при содѣйствіи ихъ, вывести наше отечество на новый путь государственнаго развитія въ духѣ установленія началъ права и взаимодѣйствія государственной власти и народа“.

Итакъ, рѣчь идетъ не о требованіи, а о надеждѣ; и надеждѣ не на упраздненіе старой власти, а на взаимодѣйствіе ея съ новой... т.-е. на компромиссъ, на соглашеніе.

1) По другимъ даннымъ 74 противъ 21.

Все это вполнѣ понятно, если мы вспомнимъ, что лѣвое большинство съѣзда было руководимо тѣми „земскими конституціоналистами“, которые составляли крайнее правое крыло „Союза освобожденія“. Такимъ образомъ, резолюціи земскаго съѣзда не являются вполнѣ типичными даже для нашего буржуазно-интеллигентскаго либерализма: онѣ фиксировали лишь временную переходную форму между этимъ либерализмомъ и узковладѣльческимъ.

При всемъ томъ, раздавшись впервые изъ устъ такого внушительнаго коллектива вполнѣ мирныхъ и „почтенныхъ“ людей, постановленія дали сильный толчекъ всему политическому движенію и особенно либеральному. Ноябрь и декарбь въ гораздо болѣе сильной степени развиваютъ то, что началось въ октябрѣ. Это была эра оппозиціонныхъ банкетовъ, резолюцій—словомъ, открытой пропаганды и демонстраціи либерализма, руководимаго освобожденцами [1]). Особенно интенсивный характеръ принимаетъ это движеніе въ дни празднованія сорокалѣтія Судебныхъ Уставовъ 64 г., при чемъ выдвинулась на первый планъ активнѣйшая группа профессіональной интеллигенціи—юристы.

Большая широта и энергія либеральнаго движенія послѣ ноябрьскаго земскаго съѣзда повели къ большему разслоенію этого движенія. Хотя преобладающее значеніе оставалось за среднимъ, буржуазно-интеллигентскимъ либерализмомъ, но и слѣва и справа уже яснѣе звучали другія ноты. Такъ, кое-гдѣ впервые выступаетъ открыто, на банкетахъ либерализмъ демократическій (радикализмъ) и въ ясной, рѣшительной формѣ заявляетъ требованія нетолько полной политической свободы, но и народовластія. Въ то время, какъ въ громадномъ большинствѣ банкетовъ привилегированная интеллигенція проводитъ резолюціи близкія къ земскимъ (свободы, законодательное народное представительство вообще), а иногда прямо присоединяются къ нимъ [2]), на отдѣльныхъ собраніяхъ съ болѣе демократиче-

1) 18 ноября сталъ выходить новый органъ, находившійся подъ вліяніемъ лѣвыхъ освобожденцевъ—„Сынъ Отечества“.

2) Характерно, что это послѣднее встрѣчается почти исключительно въ „верхахъ“ интеллигенціи: въ Москвѣ такая резолюція принята 21-го на банкетѣ прис. повѣренныхъ, профессоровъ и журналистовъ въ „Эрмитажѣ“, въ Кіевѣ—Совѣтомъ профессоровъ Политехническаго Института 12 ноября и т. п.

скимъ составомъ идутъ гораздо дальше. Въ Петербургѣ 20 ноября банкетъ подъ предсѣд. В. Короленко въ залѣ Павловой принимаетъ резолюцію, требующую, кромѣ свободъ и „безусловной амнистіи", также отвѣтственности министровъ и Учредительнаго Собранія.

Въ Саратовѣ 18 ноября на засѣданіи „Общества Охраненія народнаго здравія" проходитъ резолюція въ духѣ с. д'скихъ лозунговъ этого времени (Учредит. Собраніе на основѣ полнаго избир. права).

Къ этому же времени относятся выступленія на нѣкоторыхъ банкетахъ и собраніяхъ интеллигенціи с.-д-ихъ депутатовъ съ съ ихъ программными лозунгами полнаго избирательнаго права и Учредит. Собранія, какъ это было постановлено Ц. К-омъ. Нельзя сказать, чтобы эти выступленія производили значительное впечатлѣніе на публику. Пока за ними еще не было видно внушительной общественной силы, они были въ глазахъ публики такою же „словесностью", какъ и все остальное на этихъ банкетахъ—только словесностью болѣе претенціозной и... менѣе умѣлой, такъ какъ ораторскія силы депутацій были обыкновенно очень слабы и молоды.

Только въ единичныхъ случаяхъ (напр. въ Саратовѣ) эти депутаціи играютъ замѣтную роль и встрѣчаются дружественно. Въ другихъ случаяхъ, гдѣ руководство было въ рукахъ высшей интеллигенціи или, какъ въ земскихъ и городскихъ засѣданіяхъ,—владѣльческой буржуазіи—появленіе с. д'скихъ ораторовъ съ ихъ прямолинейными лозунгами и угловатыми пріемами полемики встрѣчается непріязненно, и дѣло кончается иногда ссорами и перерывомъ засѣданія, какъ это было, напр., 6 ноября въ Харьковѣ на засѣданіи Юридическаго Общества, также въ Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ, Екатеринодарѣ.

Съ другой стороны, съ открытіемъ сессіи губернскихъ собраній, получаетъ свое выраженіе собственно земскій либерализмъ, всегда бывшій близкимъ къ умѣренному, цензовому либерализму крупно-владѣльческихъ круговъ. Его политическое выступленіе всего удобнѣе измѣрять сравненіемъ съ резолюціями ноябрьскаго съѣзда, представлявшаго его передовые круги. И вотъ мы видимъ теперь, какъ средніе круги положительно не выдерживаютъ даже той высоты политической требовательности, какая была

у съѣзда. Повидимому, только Вятское губ. собраніе присоединилось къ акту 6—9 ноября въ его цѣломъ, и Саратовское пошло дальше его, принявъ 4-хъ членную формулу избирательнаго права. Остальныя земства въ своихъ резолюціяхъ до 9 янв. оказались позади съѣзда. Полтавское, Ярославское и Харьковское земскія собранія, Московская Дума еще значительно приближаются къ духу ноябрьскихъ резолюцій; другія, какъ Черниговское, Московское, Орловское, Калужское, Бессарабское, Екатеринославское, Таврическое, Рязанское, уже далеки отъ нихъ въ своихъ крайне неопредѣленныхъ и умѣренныхъ постановленіяхъ; нѣкоторыя же изъ собраній, состоявшихся въ 1904 году, просто обходятъ молчаніемъ общіе политическіе вопросы, игнорируя ноябрьскій актъ.

Уже въ это время чувствуется, что либерализмъ, по крайней мѣрѣ, конституціонный либерализмъ, не имѣетъ большинства въ составѣ мѣстныхъ самоуправленій; что если онъ держался тамъ и подчасъ даже задавалъ тонъ—то это въ силу пассивнаго отношенія къ общественнымъ интересамъ болѣе умѣреннаго и консервативнаго большинства [1]).

Но именно на эти элементы самоуправленій болѣе всего разсчитывало правительство, когда собиралось выслушать мнѣнія земствъ. Оно горько разочаровалось. То, что пришлось услышать, что обладало хоть какой-нибудь энергіей, принадлежало активнѣйшей части земцевъ — конституціоналистамъ, а болѣе всего—интеллигенціи, рабочимъ. Ихъ же требованія были таковы, что лучше было не слушать ихъ, пока сила не на ихъ сторонѣ. И уже съ ноября начались репрессіи. Съѣздъ городскихъ головъ и дѣятелей, предполагавшійся по примѣру земскаго, не былъ разрѣшенъ. Начались предостереженія и пріостановки газетъ (Сынъ Отечества, Право). Ходатайство Черниговскаго Губернскаго Земскаго собранія по общеполитическимъ вопросамъ встрѣчаетъ рѣзкій и оскорбительный отпоръ. Студенческія демонстраціи, 28 ноября въ Петербургѣ и 5—6 дек. въ Москвѣ, вызываютъ дикія расправы въ старомъ духѣ. Наконецъ, указомъ отъ 12 де-

1) По приблизительному подсчету изъ 34 губ. собраній сессіи 1904—5 лишь въ 18 былъ въ большинствѣ конституціонализмъ вообще, включая сюда и умѣренныя, чисто владѣльческія формы его, наиболѣе ненадежныя.

кабря и правительственнымъ сообщеніемъ 14 дек. ставится предѣлъ дальнѣйшимъ демонстраціямъ либерализма,

Эти два акта очень характерны для той стадіи общественнаго движенія, которой они были вызваны. Актъ 12 дек. обѣщаетъ мѣры для „предстоящихъ въ ближайшемъ будущемъ крупныхъ внутреннихъ преобразованій... при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи". Намѣченныя преобразованія были перечислены въ формѣ крайне неопредѣленныхъ послабленій власти, остающейся въ тѣхъ же рукахъ. Правительственное сообщеніе, порицая стремленія, проявившіяся на земскомъ съѣздѣ и „шумныхъ сборищахъ" интеллигенціи, призываетъ къ порядку земскія и городскія управленія, печать и все общество, грозя въ противномъ случаѣ „законной отвѣтственстью". И дѣйствительно, послѣ этихъ актовъ преслѣдованія усиливаются. Хотя банкеты и собранія изрѣдка еще происходили, но уже не всегда кончались благополучно. Въ концѣ декабря былъ закрытъ техническій съѣздъ въ Москвѣ, съѣздъ естествоиспытателей въ Тифлисѣ и преподавателей естеств. наукъ въ Кіевѣ. Въ сессіяхъ губернскихъ земскихъ собраній начала января предсѣдатели не допускали, на основаніи актовъ 12 декабря, обсужденія политическихъ вопросовъ; нѣкоторыя земскія собранія закрылись въ знакъ протеста противъ этихъ ограниченій (Московское, Черниговское, Смоленское).

Итакъ, опытъ довѣрія пришелъ къ концу. Правительство услышало не то, чего хотѣло. И такъ какъ передъ внутреннимъ врагомъ оно еще чувствовало себя достаточно сильнымъ, то рѣшило, послѣ довѣрчивыхъ разговоровъ, прекратить непріятныя темы. Сообразно силѣ противника въ то время казалось достаточнымъ для этого двухъ бумагъ—обѣщанія и окрика.

III. Временныя организаціи и выступленія либерализма въ періодъ „хронической революціи".

(Январь—сентябрь 1905 г.).

Движеніе, поднятое либерализмомъ въ послѣднюю треть 1904 г., не ограничилось только тѣми „чистыми" интеллигентскими и владѣльческими кругами, въ средѣ которыхъ оно происходило.

Открытыя и шумныя, доселѣ невиданныя политическія собранія съ рѣзкой критикой режима, съ громкими требованіями свободы для всего народа затронули сознаніе и другихъ классовъ, особенно въ тѣхъ крупныхъ центрахъ, гдѣ и культурная подготовка ихъ была выше и голосъ интеллигентской пропаганды раздавался громче и ближе. Въ частности, рабочій классъ этихъ центровъ, давно уже вовлеченный въ политическіе интересы страны, представлялъ особенно воспріимчивую и плотную массу того „народа", во имя котораго раздавался протестъ противъ режима. Естественно, что тамъ, гдѣ къ этому прибавилась широкая организація такихъ массъ — онѣ не остались только безучастными слушателями.

Такъ это и случилось въ Петербургѣ, гдѣ рабочіе имѣли въ то время широкую организацію въ видѣ легальнаго „Собранія русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ г. Петербурга". Броженіе, вызванное здѣсь либеральной пропагандой, Кавказскими рабочими волненіями, наконецъ, потрясающими извѣстіями о новомъ военномъ разгромѣ (паденіи Портъ-Артура), при первой ничтожной искрѣ перешло во взрывъ. Столкновеніе части Путиловскихъ рабочихъ съ администраціей изъ-за 4 уволенныхъ, немедленно превращаются въ забастовку всего завода. Въ теченіе нѣсколькихъ дней эта забастовка переходитъ въ общую для всѣхъ крупныхъ заводовъ и типографій Петербурга, а еще черезъ день-два—десятки тысячъ рабочихъ стремятся къ Зимнему дворцу со своей „петиціей", и начинается та кровавая бойня, которая извѣстна подъ именемъ „9-го января".

Это первое политическое выступленіе массы, составившее поворотный пунктъ отъ оппозиціи къ революціи, интересуетъ насъ здѣсь лишь настолько, насколько оказалось связаннымъ съ движеніемъ либерализма. А эта связь несомнѣнна. „Собраніе" рабочихъ г. Петербурга, хотя и принадлежало къ плеядѣ зубатовскихъ организацій, вело однако подъ руководствомъ Гапона существованіе, довольно независимое отъ охраннаго отдѣленія и чисто полицейскихъ цѣлей. Оно жило самостоятельной жизнью непосредственныхъ, конкретныхъ рабочихъ интересовъ, а потому самой логикой этихъ стремленій, все болѣе отвлекалось отъ чистаго „экономизма" къ политическому либерализму съ тѣмъ, чтобы въ дальнѣйшемъ, силою той же логики, перейти къ тѣмъ

самымъ „преступнымъ“ идеямъ, противъ которыхъ общество было первоначально основано. Въ процессѣ этого начавшагося перехода оно и было захвачено кровавымъ воскресеніемъ. Послѣднія собранія Общества, агитація Гапона въ концѣ 1900 г. и передъ самымъ 9-мъ января носили характеръ соціалъ-либеральный [1]), съ нѣкоторой дозой соціалистическихъ вліяній. Это ясно отразилось и на знаменитой петиціи. Съ одной стороны, это—мольба вѣрноподданныхъ, мольба о единеніи царя съ народомъ, горькая челобитная на жестокихъ и коварныхъ слугъ-посредниковъ, вѣра въ отеческую благожелательность власти. Съ другой стороны, въ этой просьбѣ уже звучитъ революціонный принципъ народовластія и учредительнаго собранія. Вѣрноподданная просьба объ Учредительномъ Собраніи!—такова эта противорѣчивая политическая психологія, наивно объединявшая либерализмъ съ пролетарскимъ демократизмомъ.

Лишь улицы Петербурга въ памятный день разрѣшили для массы это неестественное сочетаніе въ одну опредѣленную сторону.

9-го января всколыхнуло всю Россію. Періодъ академической интеллигентской оппозиціи смѣнился массовой борьбой рабочей и крестьянской демократіи. Повсюду начались огромныя забастовки рабочихъ, деревня бросилась въ аграрную борьбу. Въ воздухѣ носилась массовая революція.

Съ этого времени пролетарское и крестьянское движенія становятся главными центрами всей политической борьбы—центрами вокругъ которыхъ, въ той или иной связи съ ними располагаются и разныя теченія либерализма. И та позиція, которую заняли эти либеральныя теченія по отношенію къ этой новой демократической силѣ, лучше всего характеризуетъ общественную сущность каждаго изъ нихъ. Вмѣсто программъ, идеальныхъ нормъ будущаго—либерализмъ былъ поставленъ теперь лицомъ къ лицу съ фактомъ наступленія низовъ—наступленія, реально угрожавшаго однимъ интересамъ въ пользу другихъ. Относясь къ нему такъ или иначе, либеральныя направленія наиболѣе откровенно обнаруживали себя, свою дѣйствительную природу. Массовое крестьянско-пролетарское движеніе явилось такимъ образомъ

[1]) См. объ этомъ „Былое“ 1906. № 1-ый.

лучшимъ реактивомъ для распознаванія сосѣднихъ барскихъ теченій. Новыя тактическія задачи, созданныя движеніемъ массъ, получаютъ теперь господствующее значеніе. Помогать ли этому движенію въ интересахъ обще-политическихъ? или надо противодѣйствовать ему въ интересахъ владѣльческихъ? или, можетъ быть, всего лучше выбрать среднюю позицію: добившись нѣкоторыхъ уступокъ власти, и владѣльцевъ, ликвидировать движеніе мирно? Эти вопросы должны были рѣшаться такъ или иначе всѣми теченіями либерализма, которыя располагались затѣмъ вокругъ новой силы съ удивительной характерностью.

Въ предыдущемъ мы наблюдали развитіе основныхъ типовъ либерализма, хотя еще въ очень смѣшанномъ и неоформенномъ видѣ. Ранѣе всѣхъ организовавшійся сборный либерализмъ освобожденцевъ положилъ въ то время начало двумъ теченіямъ: болѣе лѣвому и еще достаточно сложному интеллигентскому и болѣе правому земскому. Независимо отъ освобожденскихъ теченій уже тогда мы видѣли въ земствахъ и городахъ пассивныя проявленія умѣреннаго владѣльческаго либерализма, близкаго къ консерватизму.

Теперь въ ходѣ массовой революціи, притомъ революціи, главнымъ образомъ, противовладѣльческой, эти направленія еще глубже разслаиваются и все рѣшительнѣе расходятся въ своихъ отдѣльныхъ теченіяхъ. Умѣренный владѣльческій либерализмъ, слабо представленный въ 1904 г. нѣкоторыми земствами и думами, ограничивавшійся безобидными пожеланіями и благодарностями властямъ, выступаетъ въ 1905 г. въ болѣе широкой средѣ крупной буржуазіи и съ болѣе ясными контръ-революціонными тенденціями (группа Гучкова на земско-городскихъ съѣздахъ, союзы и партіи крупной буржуазіи). По мѣрѣ развитія революціи и уступокъ старой власти, этотъ либерализмъ все болѣе тяготѣетъ къ ней въ интересахъ „порядка“ и втягивается въ активную борьбу съ движеніемъ. Правое освобожденское теченіе въ земствахъ, не занимая явно этой позиціи, стремится къ ликвидаціи массоваго движенія посредствомъ реформъ, на которыя старается склонить власть (земско-городскіе съѣзды). Интеллигентское большинство освобожденцевъ, чуждое въ это время и такого мягкаго антиреволюціонизма, стремится еще помочь движенію и организуется для этого въ политическіе союзы. Они пытаются объеди-

нить и упорядочить всѣ оппозиціонныя и революціонныя силы, а лѣвая часть ихъ даже прямо помогаетъ революціоннымъ выступленіямъ массъ. Въ то же время это движеніе все болѣе разслаивается на два лагеря: буржуазно-интеллигентскій и демократическій.

Начнемъ наше разсмотрѣніе съ умѣреннаго либерализма. Въ самой непосредственной связи съ рабочимъ движеніемъ 1905 г. онъ получаетъ новое выраженіе; мы разумѣемъ политическія выступленія либеральной промышленной буржуазіи.

Безнадежное политическое положеніе, сказавшееся послѣ внѣшняго разгрома и финансоваго краха самодержавія также и въ его внутреннемъ разложеніи, было особенно замѣчено дѣловой буржуазіей, когда въ сутолкѣ рабочихъ волненій пріостановился нормальный ходъ производства. Задѣтый за живое, капиталъ возвысилъ, наконецъ, свой голосъ. Первые мѣсяцы 1905 г. были временемъ усиленныхъ политическихъ заявленій, исходившихъ отъ различныхъ группъ и учрежденій этого класса. Эти заявленія, трезвыя, дѣловитыя, всего менѣе склонныя къ романтикѣ интеллигентской идеологіи, хорошо вскрываютъ соціально-практическую, производительную сущность либерализма. Они показываютъ, какъ нѣкоторые принципы гражданской и политической свободы и общаго юридическаго равноправія становятся на извѣстной стадіи народно-хозяйственнаго развитія экономической необходимостью, а потому представляютъ тогда практическій интересъ всѣхъ классовъ новаго производительнаго общества, въ томъ числѣ и промышленной буржуазіи. Они показываютъ далѣе, въ чемъ именно состоитъ спеціальная заинтересованность этого класса въ общественной свободѣ и правовой нивеллировкѣ, а стало быть, и въ нужной для этого новой государственной организаціи.

Первое внушительное политическое заявленіе исходило изъ сердца промышленной Россіи—мануфактурной Москвы, еще такъ недавно отличавшейся патріархальностью и консерватизмомъ своего большею частью старообрядческаго капитала. Теперь подъ предводительствомъ покойнаго С. Т. Морозова московскіе промышленники откровенно заявляютъ о неспособности режима удовлетворять назрѣвшимъ экономическимъ потребностямъ страны и становятся на почву конституціонализма. Составленная ими въ

концѣ января записка „крупнѣйшихъ фабрикантовъ и заводчиковъ г. Москвы и московскаго района“ представляетъ одинъ изъ наиболѣе обстоятельныхъ актовъ чисто-буржуазной критики режима и буржуазныхъ политическихъ требованій.

Критическая часть записки сводится къ указанію слѣдующихъ главныхъ дефектовъ самодержавія съ точки зрѣнія потребностей капиталистическаго производства: 1) отсутствіе устойчивой правовой организаціи, съ которой „промышленность находится въ тѣснѣйшей связи“. Здѣсь надо имѣть въ виду, согласно запискѣ, во первыхъ, непосредственную экономическую необходимость такихъ условій, какъ свобода личности, ея иниціативы, свободы науки и научной истины, просвѣщеніе народа, „изъ котораго промышленность вербуетъ рабочія руки, тѣмъ менѣе продуктивныя, чѣмъ онѣ невѣжественнѣе“.

Но еще болѣе убѣдительна для авторовъ и другая, общественная необходимость этихъ условій, такъ какъ внѣ ихъ, внѣ свободы союзовъ, организацій, поднявшееся рабочее движеніе не можетъ „вылиться въ спокойныя, законченныя формы борьбы“.

2) Вторымъ проявленіемъ неспособности самодержавія выставляется разстроенное финансовое хозяйство государства, что вредно отзывается на положеніи промышленности и рабочихъ.

Эта мотивировка капиталистической оппозиціи московскихъ фабрикантовъ была еще пополнена ихъ петербургскими товарищами. „Докладная записка С.-Петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ г. министру финансовъ“ отъ 31-го января, раздѣляя положенія московской записки, ставитъ въ вину режиму также его постоянное и неудачное административное вмѣшательство въ отношенія между трудомъ и капиталомъ и, наконецъ, формулируетъ главный грѣхъ самодержавія—разореніе населенія, истощеніе его покупательной способности, чѣмъ подрывается самое существованіе промышленности.

Это послѣднее обстоятельство было особенно чувствительно для мануфактурной промышленности, работающей на массоваго частнаго потребителя. Она, главнымъ образомъ, и говорила устами московскихъ и петербургскихъ промышленниковъ.

Но и другія отрасли промышленности, болѣе связанныя съ привилегіями и попеченіями самодержавія, не дали ему надежныхъ буржуазныхъ союзниковъ. Такъ, металлургическіе промыщ-

ленники, издавна вскормленные казенными заказами, также оказались въ оппозиціи. Дѣло въ томъ, что казенные заказы все же не могли расти съ той быстротой и правильностью, а распредѣленіе ихъ не могло быть настолько безпристрастнымъ, чтобы удовлетворять потребность капитала въ рынкѣ. Металлургіи пришлось поэтому искать частнаго рынка, того же массоваго потребителя, какъ и мануфактурѣ. И въ послѣдніе годы, съ пониженіемъ казеннаго желѣзнодорожнаго строительства, внутренній рынокъ сталъ для нея особенно важнымъ. А попавъ въ зависимость отъ него, она столкнулась здѣсь и съ хозяйственными результатами самодержавія; inde ira. Записка „Петербургской конторы желѣзозаводчиковъ" въ концѣ января повторяетъ поэтому въ общемъ всѣ существенныя обвиненія мануфактуристовъ.

Наконецъ, даже сахарозаводчики, пользовавшіеся наиболѣе нѣжными попеченіями самодержавія, не остались чужды общей политической оппозиціи капитала. Эти, не имѣя на что жаловаться въ настоящемъ, аргументируютъ возможными въ будущемъ непорядками, которые они предвидятъ среди происходящихъ вокругъ нихъ (но не у нихъ) рабочихъ и крестьянскихъ волненій. Въ запискѣ, представленной съѣзду въ Кіевѣ въ февралѣ (16-го), они, раздѣляя общій взглядъ на зависимость низкаго уровня промышленности отъ непорядковъ режима, требуютъ скорѣйшаго разрѣшенія рабочаго и крестьянскаго вопросовъ. Послѣдній ихъ особенно интересуетъ. Деревенскія неурядицы нарушаютъ правильный ходъ ихъ производства, особенно въ поставкѣ сырья (свекловицы), въ перевозкахъ товара, сбытѣ остатковъ и грозятъ перенести неурядицу въ среду ихъ рабочихъ (тѣхъ же крестьянъ). Не являясь вообще одной изъ воюющихъ сторонъ въ аграрной борьбѣ даннаго момента они—либералы въ аграрномъ вопросѣ. Крестьянинъ для нихъ—или рабочій, или поставщикъ, или покупатель. Они поэтому готовы даже надѣлить его помѣщичьей землей, ибо это будетъ для нихъ только выгодно. Отсюда и либерализмъ: „Ненормально-натянутыя отношенія между крестьянами и сосѣдями-помѣщиками надо развязать законодательными мѣрами, хотя бы мѣстами для этого пришлось даже прибѣгнуть къ принудительному выкупу".

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, какъ реалистична критика самодержавія со стороны подлинной буржуазіи. Выступая

противъ него, она все время обходится чисто дѣловой, „коммерческой" аргументаціей. Никакихъ самодовлѣющихъ принциповъ, никакой этики, альтруизма. Все дѣлается на почвѣ чисто классоваго интереса, нисколько не скрываемаго, даже прямо противопоставляемаго другимъ. Такъ, упомянутая записка петербургскихъ промышленниковъ жалуется между прочимъ, что правительство прислушивается къ грубымъ демонстраціямъ рабочихъ болѣе, чѣмъ къ „корректнымъ", заявленіямъ предпринимателей; а уступая первымъ, дѣлаетъ это за счетъ вторыхъ. На то же жалуется „Костромской комитетъ торговли и мануфактуръ" въ своей апрѣльской „памятной запискѣ". Не менѣе характерно, что также упомянутая нами „Петербургская контора желѣзозаводчиковъ", постулируя свободу труда и стачекъ, включаетъ въ нее также и свободу штейкбрехерства и т. д. Словомъ, здѣсь совсѣмъ не идетъ дѣло о томъ самоотверженномъ единеніи всѣхъ оппозиціонныхъ силъ, съ которымъ носится буржуазный интеллигентъ. Нѣтъ: буржуа уже давно предупредилъ пролетарія въ *классовой* политикѣ, въ методѣ присоединяться къ общему теченію, не забывая своихъ обособленныхъ классовыхъ цѣлей, въ готовности къ одновременной борьбѣ на два фронта.

Это особенно наглядно проявлялось въ полу-политическихъ стачкахъ первыхъ мѣсяцевъ 1905 г., когда капиталистъ, столкнувшись съ двумя категоріями требованій „забастовщиковъ"—политическими и экономическими—проявляетъ совершенно различное отношеніе къ нимъ. Такъ, о стачкахъ въ Ростовѣ н-Д. корреспондентъ „Искры" сообщаетъ:

„Очень интересно было отношеніе либераловъ-фабрикантовъ къ стачкѣ. Въ то время какъ правительство пытается натравить рабочихъ на фабрикантовъ, охранять исключительно профессіональный характеръ стачки, фабриканты стараются обратить каждую стачку въ политическую. Такъ, директоръ Волгодонского завода обратился къ рабочимъ съ рѣчью, въ которой сказалъ, что съ интересомъ слѣдитъ за событіями въ Петербургѣ, Варшавѣ и др. городахъ и желаетъ рабочимъ успѣха въ борьбѣ. Другой фабрикантъ, прочитавъ требованія рабочихъ, сказалъ: самое важное—это требованіе неприкосновенности личности, жилища, свободы слова, печати, собраній, стачекъ, и просилъ ихъ добыть эти гарантіи и для него. Директоръ комитета донскихъ гирлъ, владѣлецъ мельницы Парамоновъ и другіе удаляли полицію со своихъ фабрикъ, заявляя, что у себя на фабрикѣ они хозяева. Наконецъ фабриканты на общемъ собраніи рѣшили хлопотать у градоначальника о разрѣшеніи со-

браній рабочихъ по заводамъ и общихъ для обсужденія нуждъ" („Искра", № 92) [1].

Такова критика и тактика капитала. Положительныя политическія нормы его записокъ обыкновенно не выходятъ изъ предѣловъ того либерализма, который мы называемъ цензовымъ, крупно-владѣльческимъ. Такъ, требованія московской записки, одной изъ самыхъ либеральныхъ для своего круга, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ шести пунктамъ: 1) равноправіе всѣхъ гражданъ передъ закономъ; 2) неприкосновенность личности и жилища; 3) полная свобода сходокъ и собраній рабочихъ и ихъ организацій; 4) свобода слова и печати; 5) право участія представителей всѣхъ классовъ населенія въ законодательныхъ работахъ и въ обсужденіи бюджета; 6) всеобщее обязательное школьное обученіе.

Какъ видимъ, капиталисты въ концѣ января, въ общественной обстановкѣ, особенно располагающей либерализмъ къ рѣшительнымъ и демократичнымъ требованіямъ, формулируютъ принципы, отстающіе даже отъ резолюцій ноябрьскаго земскаго

[1]) Гораздо дальше пошло это „сочувствіе" въ Баку, гдѣ во время февральскихъ волненій капиталисты попали въ сильную зависимость отъ рабочихъ. По даннымъ корреспондента дѣло было такъ. Кровавыя событія 6—9 февр. въ Балаханахъ вызвали рядъ огромныхъ митинговъ, на которыхъ выступали наряду съ с.-д-ами и предприниматели. Затѣмъ составилось „Балаханское временное правительство" изъ 24 чел.—12 представителей разныхъ революціонныхъ организацій и 12 представителей капиталистовъ. Эта комиссія рѣшила устроить въ ближайшемъ будущемъ всеобщую политическую забастовку. Комиссія сначала стала устраивать массу митинговъ. Потомъ предприниматели взмолились. Тогда рѣшили осуществлять пропаганду черезъ представителей рабочихъ (отъ 500—1000 чел. по одному), которые сходились, выслушивали ораторовъ и давали потомъ отчетъ заводскимъ товарищамъ. Затѣмъ было рѣшено образовать группу агитаторовъ въ 50—100 чел., которые должны были по 2—3 чел. обходить всѣ промыслы и устраивать тамъ небольшіе митинги. На администрацію промысловъ было возложено содержаніе этихъ агитаторовъ въ теченіе мѣсяца. Послѣднее однако должно было быть санкціонировано Совѣтомъ Съѣзда нефтепромышленниковъ. Засѣданіе этого Совѣта дѣйствительно состоялось: „Настроеніе собранія было довольно благожелательное къ дѣйствіямъ комиссіи. Рѣшеніе вопроса о содержаніи агитаторовъ „нефтепромышленники отклонили на нѣсколько дней съ тѣмъ, чтобы подробнѣе обсудить этотъ планъ... Вообще говоря, возражали не противъ плана, а противъ техническихъ частностей: находили число летучихъ агитаторовъ слишкомъ большимъ и т. д." („Искра", № 91).

совѣщанія, гдѣ, вмѣсто „обсужденія" бюджета фигурируетъ его „установленіе", а вмѣсто крайне подозрительнаго представительства „всѣхъ классовъ", легко прочитать, по крайней мѣрѣ, всеобщее и равное избирательное право для мужского населенія.

Политическія требованія другихъ группъ буржуазіи обыкновенно еще уступали въ рѣшительности и ясности московской запискѣ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ постановленій этого рода за первые мѣсяцы 1905 г. только заявленіе Борисоглѣбской хлѣбной биржи, переданное телеграфомъ министру вн. дѣлъ 8-го апр., возвышается до принципа, уже признаннаго въ это время не только всѣмъ интеллигентскимъ теченіемъ либерализма, но и земскимъ конституціонализмомъ: оно говоритъ о необходимости „немедленнаго созыва избранныхъ всеобщей, прямой и равной подачей голосовъ представителей всѣхъ частей населенія".

За этимъ единичнымъ исключеніемъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло несомнѣнно съ типичнымъ умѣреннымъ либерализмомъ крупной буржуазіи. Уже записки ея въ январѣ достаточно говорятъ о томъ, какія партіи создастъ она въ октябрѣ. Въ своихъ политическихъ притязаніяхъ буржуазія не идетъ дальше того, что подсказываетъ ей ея собственный классовый интересъ. Только особенность ея соціальнаго положенія дѣлаетъ то, что эти интересы лежатъ еще въ направленіи нѣкотораго прогресса, тогда какъ ея владѣльческій собратъ—рядовой помѣщикъ—толкается своимъ интересомъ въ черносотенную реакцію. Конституція стала необходимой для успѣшной эксплоатаціи буржуазнаго капитала — и буржуа сталъ конституціоналистомъ.

Уже изъ этого видно, какъ мало основаній приравнивать этотъ либерализмъ къ интеллигентскому. Даже земскій конституціонализмъ выше его. Небогатый, оскудѣвшій помѣщикъ-интеллигентъ и общественный дѣятель стоитъ по своему практическому положенію все же ближе къ интеллигенту, чѣмъ непосредственные дѣльцы торговаго и промышленнаго міра. Поэтому и его идеологія ближе къ интеллигентской, менѣе страдаетъ владѣльческой узостью и болѣе способна къ активному творчеству. Мы это увидимъ, перейдя къ разсмотрѣнію освобожденскихъ теченій въ обстановкѣ массовыхъ движеній подлинной демократіи.

Драма 9 янв. и сопровождавшія ее массовыя движенія произвели глубокое впечатлѣніе на либеральное общество. Они

освѣтили, во-первыхъ, слишкомъ ярко насильственную и хищную политику самодержавнаго правительства; они показали затѣмъ, что существуютъ большія революціонныя массы, готовыя бороться за самыя демократическія требованія. И то и другое толкало либерализмъ къ большей политической рѣшительности. Демократичные его элементы, съ тоской глядѣвшіе передъ тѣмъ на слабыя прогрессивныя силы, были окрылены надеждами. Они даже непосредственно проявили нѣкоторую активность: январскіе дни вызвали частичную интеллигентскую забастовку въ видѣ пріостановки дѣятельности ученыхъ и профессіональныхъ обществъ, судовъ, нѣкоторыхъ земскихъ сессій, не говоря уже объ учебныхъ заведеніяхъ. Нерѣшительные и пассивные элементы, всегда нуждавшіеся во внѣшнемъ толчкѣ, получили его и перестали колебаться. Наконецъ, болѣе умѣренные, не отрѣшившіеся еще вполнѣ отъ владѣльческихъ тенденцій, волей-неволей должны были считаться съ совершившимся фактомъ уже выставленныхъ народомъ требованій и включить ихъ въ свою программу, какъ лучшее средство сохранить за собой политическій престижъ и успокоить массы. Итакъ, во всѣхъ либеральныхъ кругахъ освобожденскаго лагеря замѣчается въ это время—первые мѣсяцы 1905 г.—повышенное настроеніе и стремленіе къ болѣе точной и рѣшительной постановкѣ своихъ платформъ, къ выработкѣ своей тактики и, наконецъ, къ практической дѣятельности.

Несмотря на правительственныя репрессіи, еще продолжались либеральныя выступленія прежняго типа—въ видѣ резолюцій на собраніяхъ и въ кружкахъ. Но содержаніе резолюцій носитъ уже болѣе точный и радикальный характеръ. Четырехчленная формула избирательнаго права становится почти общимъ достояніемъ, и даже принципъ учредительнаго собранія довольно обыченъ въ резолюціяхъ буржуазной демократіи. Не говоря уже объ учащейся молодежи, выставившей въ половинѣ января преимущественно пролетарскія политическія требованія и начавшей общую учебную забастовку—мы видимъ въ рядахъ радикализма цѣлый рядъ весьма „почтенныхъ“ и интеллигентскихъ организацій. Такъ „Московское Общество сельскаго хозяйства“ въ засѣданіи 14 янв. постановляетъ по поводу событія 9 янв.: 1) выразить глубокое негодованіе правительству по поводу безчеловѣчнаго избіенія, 2) признать, что единственнымъ выходомъ изъ современнаго положенія можетъ быть немедленный созывъ учредительнаго собранія на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права.

Тѣ же политическіе принципы мы находимъ затѣмъ въ постановленіяхъ: дѣятелей по народному образованію отъ 12 марта, кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ отъ 13 марта, Пироговскаго съѣзда врачей 20 марта, съѣзда ветеринаровъ 21 марта и многихъ другихъ.

Та же тенденція къ большей активности и рѣшительности сказалась въ рядахъ организованнаго освобожденства. Безплодность прошлогодней банкетной кампаніи въ смыслѣ вліянія на упрямое правительство, выступленіе массъ, начавшихъ прямую борьбу противъ режима—заставляютъ и этотъ либерализмъ искать новыхъ, болѣе дѣйствительныхъ средствъ своего политическаго воздѣйствія. Однако при значительной разнородности состава среды (земцы, высшая интеллигенція и пролетарская) это оказалось довольно труднымъ. Приступъ къ реальной политической дѣятельности былъ поэтому и началомъ разслоенія. Земцы и высшая интеллигенція тяготѣли, особенно послѣ 18 февраля преимущественно къ барскимъ, парламентскимъ формамъ политической работы—къ тѣмъ же „революціоннымъ“ методамъ минувшей кампаніи, только уже въ болѣе внушительномъ партійномъ масштабѣ. Напротивъ, лѣвая, болѣе демократичная интеллигенція, тяготѣла къ массамъ, къ болѣе прямымъ, но и болѣе рискованнымъ средствамъ борьбы.

Эти противорѣчія обнаружились уже на III съѣздѣ Союза освобожденіи въ концѣ марта 1905 г. (въ Москвѣ). Съѣхавшіеся представители разныхъ автономныхъ освобожденскихъ группъ составили собою чрезвычайно разнородное собраніе—начиная съ земцевъ и кончая радикалами-соціалистами—при чемъ сговориться на сколько-нибудь конкретныхъ и опредѣленныхъ политическихъ цѣляхъ и методахъ оказалось прямо невозможнымъ. Одной изъ главныхъ задачъ съѣзда была выработка программы, взамѣнъ крайне неопредѣленной „платформы“ союза, хотя и пополненной въ октябрѣ 1904 г. демократическими принципами. Для этой цѣли съѣзду былъ представленъ извѣстный проектъ „основного закона Россійской Имперіи,“ выработанной къ началу 1905 г. группой освобожденцевъ по порученію Петербургска-

го и Московскаго губ. комитетовъ „Союза". Сильныя политическія тренія на съѣздѣ сказались въ томъ, что проектъ, довольно неопредѣленный самъ-по-себѣ [1]), былъ еще сглаженъ нейтрализаціей въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ женщинъ. Характерно для „духа времени", что при всемъ томъ принципъ учредительнаго собранія пока уцѣлѣлъ, хотя и не былъ поясненъ сколько-нибудь точно.

Разногласія въ тактикѣ оказались еще болѣе рѣзкими. Въ противоположность докладу бюро, имѣвшему въ виду исключительно мирные и парламентскіе методы, лѣвая внесла предложенія, заключавшія болѣе рѣшительныя мѣры борьбы, включая до пропаганды и организаціи всеобщей политической забастовки. Однако руководящее большинство изъ земцевъ и „большой" интеллигенціи отклонило даже постановку этихъ вопросовъ на разрѣшеніе. Въ результатѣ рознь на съѣздѣ оказалась настолько внушительной что первоначальныя надежды многихъ членовъ на превращеніе союза въ политическую партію оказались обманутыми: рѣшеніемъ большинства союзъ остался при прежнемъ федеративномъ устройствѣ, наиболѣе приспособленномъ для объединенія соціально-разнородныхъ и индивидуалистическихъ элементовъ. Только въ августѣ (на IV съѣздѣ) съ опубликованіемъ акта о Думѣ и приближеніемъ выборовъ, попытка партійной организаціи освобожденцевъ приметъ рѣшительный характеръ; но о нихъ рѣчь впереди.

Однако и въ описываемое время эта неудача въ дѣлѣ образованія либеральной партіи не могла остановить назрѣвшей потребности интеллигентскихъ массъ въ широкой, открытой политической организаціи; ибо только этимъ путемъ интеллигенція могла опредѣленнымъ образомъ приложить свои силы къ политической дѣятельности и получить извѣстное вліяніе. Эта потребность давала знать себя въ интеллигентской средѣ еще съ декабря предъидущаго года; но только въ обстановкѣ массовыхъ движеній 1905 г., когда приближался, повидимому, моментъ рѣшительной борьбы, эта потребность стала здѣсь общей и

[1]) Въ проектѣ нѣтъ яснаго принципа политической отвѣтственности министровъ, упоминанія о контролѣ палатъ надъ „цѣлесообразностью" дѣйствій правительства, нѣтъ принципа суверенности учредит. собранія.

достаточно интенсивной, чтобы вылиться въ практическую дѣятельность.

Такимъ образомъ, начиная съ первыхъ мѣсяцевъ 1905 г., мы наблюдаемъ огромное развитіе интеллигентскихъ организацій, принявшихъ большею частью смѣшанный профессіонально-политическій характеръ. Уже въ декабрѣ, въ атмосферѣ банкетовъ и политическихъ записокъ, зарождаются союзъ инженеровъ и техниковъ и академическій союзъ. Въ концѣ февраля (27-го) возникаетъ союзъ конторщиковъ и бухгалтеровъ, въ мартѣ— союзъ дѣятелей по народному образованію, союзъ статистиковъ, затѣмъ послѣ X Пироговскаго съѣзда—союзъ медицинскаго персонала, далѣе, союзъ полноправія евреевъ, союзъ ветеринаровъ; въ апрѣлѣ—союзъ фармацевтовъ, писателей, агрономовъ, учителей, желѣзнодорожныхъ служащихъ и союзъ равноправія женщинъ; въ маѣ возникаетъ крестьянскій союзъ, и выдѣляется изъ общей учительской организаціи союзъ учителей низшихъ школъ.

Всмотримся въ нѣкоторыя черты этого движенія.

Интеллигенція организовалась сначала по профессіямъ—въ отдѣльные всероссійскіе союзы. Однако послѣдніе далеко не всегда могутъ быть названы профессіональными въ обычномъ смыслѣ слова. Дѣло въ томъ, что двѣ разнородныя по существу задачи—профессіональной самозащиты и общеполитической борьбы были соединены въ нихъ въ очень разныхъ пропорціяхъ, такъ что одни союзы еще могутъ называться профессіональными, другіе же являются скорѣе политическими. Характерно, что первый типъ преобладаетъ въ организаціяхъ „малой" интеллигенціи, борющейся при этомъ за свои непосредственные групповые интересы и лишь по связи съ ними за политическія цѣли. Послѣднія играютъ, такимъ образомъ, служебную роль относительно профессіональныхъ задачъ, являющихся „матеріей" всего движенія; таковы—желѣзнодорожный союзъ, союзъ учителей низшихъ школъ, отчасти конторщиковъ и бухгалтеровъ, фармацевтовъ и особенно возникшій самостоятельно къ осени почтово-телеграфный союзъ. Такъ, изъ „Программы дѣятельности" и „Устава" Всероссійскаго желѣзнодорожнаго союза мы видимъ, что это настоящій профессіональный союзъ. Онъ „ставитъ себѣ задачей корпоративную организацію желѣзнодорожныхъ тружениковъ и согласованіе коллектив-

ныхъ дѣйствій ихъ въ области профессіональныхъ и общегражданскихъ интересовъ", при чемъ послѣдніе направлены къ завоеванію свободъ именно потому, что только онѣ и „могутъ гарантировать успѣшное развитіе всякой общественной самодѣятельности" (программа). Или:

„Союзъ имѣетъ цѣлью кореннымъ образомъ улучшить матеріальное и служебно-правовое положеніе желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Для этого Союзъ стремится къ установленію такого порядка, при которомъ выработка всѣхъ правительственныхъ законоположеній и распоряженій, касающихся желѣзнодорожнаго труда, находилась бы въ рукахъ самихъ служащимъ и рабочихъ. Такой порядокъ при нынѣшнемъ государственномъ строѣ Россіи невозможенъ, а потому союзъ выставляетъ требованіе полной гражданской свободы и народнаго представительства обезпечивающаго участіе всего народа въ управленіи страной" („Уставъ").

Второй типъ—односторонне-политическій преобладаетъ въ союзахъ высшей интеллигенціи, у которой, очевидно, нѣтъ особенныхъ мотивовъ стремиться къ улучшенію своего и безъ того высокаго положенія. Здѣсь дѣло идетъ больше о борьбѣ „за другихъ" и за другое, за назрѣвшія нужды близкаго имъ дѣла, отрасли или прямо за общія соціально-политическія цѣли, какъ въ партіяхъ (писатели, инженеры, профессора, адвокаты и пр.). При этомъ профессіональныя задачи ставятся обыкновенно лишь въ той мѣрѣ, въ какой это вызывается политическими мотивами (помощь товарищамъ пострадавшимъ въ политической борьбѣ, бойкотъ мѣстъ по политическимъ мотивамъ и т. п.). Такъ союзъ инженеровъ объединялся на почти партійной программѣ, состоявшей изъ политической части (учредительное собраніе, полное изб. право, свободы, автономія областей) и соціально-экономической, гдѣ находимъ подробныя нормы рабочаго законодательства и даже принципъ аграрной реформы. Но чего здѣсь совершенно нѣтъ—это профессіональныхъ интересовъ самихъ инженеровъ и техниковъ. Итакъ, это—не профессіональные союзы, а скорѣе политическіе союзы по профессіямъ; профессія для нихъ не болѣе, какъ внѣшнія рамки для политическаго сплоченія, что представляло не только практическія удобства сближенія, но и большую полицейскую безопасность.

Указанное различіе двухъ типовъ среди интеллигентскихъ союзовъ отражается затѣмъ на всей ихъ дальнѣйшей судьбѣ: союзы малой интеллигенціи, борющіеся за свои кровные групповые интересы, оказываются вообще болѣе прочными и активными, чѣмъ союзы другого порядка съ ихъ слишкомъ „альтруистической" подкладкой. Въ то время, какъ послѣдніе быстро исчезаютъ послѣ образованія въ странѣ политическихъ партій—союзы желѣзнодорожный, учительскій, почтово-телеграфный, фармацевтовъ существуютъ и до настоящаго времени.

Вернемся однако къ дальнѣйшей характеристикѣ союзнаго движенія интеллигенціи.

Можно сказать, вмѣстѣ съ самымъ рожденіемъ отдѣльныхъ союзовъ обнаруживается и стремленіе къ созданію объединяющаго центра—будущаго „союза союзовъ", который въ неоформленномъ видѣ существовалъ уже съ февраля. Это объединеніе союзовъ является чисто политическимъ; въ то же время на немъ сильно отражается характеръ общественныхъ слоевъ, входящихъ въ организацію.

„Союзъ союзовъ не имѣлъ формально никакой политической программы: но фактически онъ, конечно, руководился извѣстными политическими принципами, имѣлъ „платформу". Естественно, что она составилась путемъ „вынесенія за скобку" началъ общихъ всѣмъ платформамъ отдѣльныхъ союзовъ. Такимъ оказался лишь одинъ принципъ—учредительнаго собранія на основѣ 4-хъ членной формулы избирательнаго права. Слѣдовательно, политическая организація интеллигенціи была лишь временной лигой для борьбы за демократическое избирательное право; она не могла и не хотѣла, какъ это показалъ первый учредительный съѣздъ „Союза с.", составить что либо болѣе компактное и устойчивое въ происходящей общественной борьбѣ. Мало того: подобно „Союзу освобожденія" съ его автономнымъ устройствомъ, и въ этомъ случаѣ интеллигенція не можетъ объединиться иначе, какъ въ федеративный союзъ автономныхъ организацій. Такъ велика разнородность этой среды, не расколотой еще въ это время политической практикой на составныя части. Здѣсь все было смѣшано: союзъ полуголодныхъ сельскихъ учителей—съ союзомъ профессоровъ, союзъ нищихъ крестьянъ—съ союзомъ земцевъ-помѣщиковъ; внутри же каждаго союза стояли рядомъ сытый директоръ фабрики, „свой человѣкъ" капиталистовъ и провинціальный земскій техникъ; профессоръ медицины и владѣлецъ

лечебницы—и скромный земскій врачъ и т. д. Можно себѣ представить, съ какимъ различнымъ отношеніемъ къ дѣлу воспринимали они даже скудные общіе принципы своей организаціи.

Теперь остановимся на политической дѣятельности этой организованной интеллигенціи.

На II-мъ съѣздѣ 24—26 мая въ Москвѣ, въ связи съ цусимской катастрофой, союзъ опредѣленно выступаетъ на политической аренѣ. Въ то время, какъ земско-городской съѣздъ, вѣрный своему барскому типу, обращается къ власти съ увѣщаніемъ (депутація 6 іюня), Союзъ с. обращается къ обществу съ воззваніемъ, которое оканчивается слѣдующимъ образомъ:

„Мы говорили, пока была хоть тѣнь надежды, что насъ услышатъ. Теперь эта надежда отнята, и надо искать другого пути. Мы должны дѣйствовать, какъ кто умѣетъ и можетъ, какъ кто способенъ или считаетъ нужнымъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, какъ угодно—но дѣйствовать. Всѣ средства теперь законны противъ страшной угрозы, заключающейся въ самомъ фактѣ дальнѣйшаго существованія настоящаго правительства: и всѣ средства должны быть испробованы. Мы обращаемся ко всѣмъ общественнымъ группамъ, партіямъ, союзнымъ организаціямъ, частнымъ кружкамъ, ко всему, что есть въ народѣ живого и способнаго отозваться на боль, на грубый ударъ,—и мы говоримъ: всѣми силами, всѣми мѣрами добивайтесь немедленнаго устраненія захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ея мѣстѣ „Учредительное Собраніе“, избранное народомъ на основаніи всеобщаго, тайнаго, прямого и равнаго голосованія для всѣхъ гражданъ безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія, чтобы оно могло какъ можно скорѣе покончить съ войной и съ господствующимъ до сихъ поръ политическимъ режимомъ“.

Нельзя отказать этому воззванію въ нѣкоторой энергіи; мы видимъ здѣсь, какъ „облегчается“ интеллигентскій либерализмъ, когда онъ свободенъ отъ организаціонной связи съ владѣльческими элементами.

Но уже здѣсь замѣтна и другая его черта. Опираясь, въ сущности, только на межклассовые элементы, становясь на болѣе нейтральную, въ соціальномъ отношеніи, почву чисто политическаго радикализма, онъ стремится къ объединенію вокругъ себя в с ѣ х ъ революціонныхъ силъ, къ роли о б щ а г о политическаго авангарда и возбудителя—какъ будто это зависитъ отъ качества принятыхъ „лозунговъ“, а не отъ практическихъ соціальныхъ связей съ населеніемъ, т.-е. отъ с о ц і а л ь н а г о типа организаціи. А преобладающій типъ Союза былъ только интеллигентскимъ, т.-е. объединеніе основывалось на очень поверхностныхъ сходствахъ элементовъ, колебавшихся между буржуазіей и пролетаріатомъ.

Неудивительно, что такая организація не могла остаться достаточно с а м о с т о я т е л ь н о й—ни въ опредѣленіи своей политической платформы, ни въ тактикѣ.

Дѣйствительно, мы уже видѣли, какъ единственный программный принципъ Союза с.—учредительное собраніе на основѣ полнаго избирательнаго права—былъ внушенъ интеллигенціи политическими выступленіями пролетаріата и его партій. То же вліяніе мы замѣчаемъ и въ вопросахъ тактики. Такъ, въ рѣшеніяхъ II съѣзда по тактикѣ мы видимъ: наряду съ принципомъ „самочиннаго“ осуществленія свободъ (что уже давно вошло въ методологію либерализма) принимается къ „разработкѣ“ совмѣстно съ революціонными партіями вопросъ о в с е о б щ е й п о л и т и ч е с к о й з а б а с т о в к ѣ. Въ послѣдующее время, вмѣстѣ съ ростомъ политическаго значенія пролетарской борьбы, Союзъ с. все болѣе воспринимаетъ политическіе лозунги и методы соціалистовъ (особенно соціалъ-демократіи), пока не оказывается совершенно въ хвостѣ этихъ партій, рабски копируя ихъ рѣшенія, директивы и..... ошибки. Мы это увидимъ уже на судьбѣ ближайшаго политическаго вопроса, поставленнаго жизнью,—вопроса объ отношеніи къ Булыгинской Думѣ, проектъ которой былъ въ общихъ чертахъ извѣстенъ обществу уже лѣтомъ. Этому вопросу былъ почти всецѣло посвященъ III съѣздъ Союза с. 1—3 іюля въ Петербургѣ и Теріокахъ.

Въ результатѣ жестокихъ преній съѣздъ выработалъ резолюцію, принятую большинствомъ 9 союзовъ противъ 3-хъ при 4-хъ воздержавшихся. Давая рѣзкую критику бюрократическаго проекта Думы, резолюція въ заключеніе гласитъ:

1) Безотлагательно приступить къ объединенію и мобилизаціи всѣхъ демократическихъ элементовъ страны для устройства массовыхъ протестовъ противъ правительственнаго проекта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, делегатскій съѣздъ Союза с. заявляетъ, что онъ будетъ протестовать и противъ всякаго иного закона о народномъ представительствѣ, не основаннаго на принципахъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія.

2) Считать недопустимымъ для членовъ Союза с. ни проведеніе кого-либо въ проектированную Государственную Думу, ни личное въ ней участіе.

3) Во время избирательнаго періода принимать всякаго рода мѣры для разъясненія всему населенію истиннаго характера закона о Государственной Думѣ, для чего въ частности являться въ избирательныя собранія всѣхъ степеней и агитировать тамъ въ пользу отказа выборщиковъ отъ участія въ выборахъ.

Не будемъ останавливаться здѣсь на новомъ проявленіи отмѣченной ранѣе тенденціи Союза „къ объединенію и мобилизаціи всѣхъ демократическихъ элементовъ страны“; самое рѣшеніе и мотивировка вопроса оказываются, при ближайшемъ разсмотрѣніи, чрезвычайно характерными для типа своей среды.

Тактика бойкота, принятая большинствомъ, исходила въ этихъ кругахъ изъ соображеній о возможной роли въ текущей борьбѣ самой думы. При оптимистической оцѣнкѣ соотношенія силъ особенно бросались въ глаза недостатки положенія о думѣ, исключившаго даже вліяніе интеллигенціи; владѣльческіе круги, даже земскіе либералы, имѣвшіе доступъ въ Думу, внушали крайнее недовѣріе [1]). Всего менѣе принималась во вниманіе другая сторона вопроса; это—оцѣнка не самой Думы, а избирательной кампаніи, предвыборной пропаганды и сплоченія; не учитывалось ихъ огромное значеніе для массъ, подавляющая часть которыхъ, особенно крестьянство, была не развита и почти не затронута политически. Интеллигентская оторванность отъ жизни этихъ массъ была причиной такого отношенія: на этомъ выросталъ оптимизмъ политики, вмѣсто практичнаго разсчета и трезвости демократа. Впрочемъ, опытный читатель уже замѣтилъ, вѣроятно, подъ чьимъ вліяніемъ находилось въ данномъ случаѣ большинство съѣзда: это была точка зрѣнія соціалъ-демократовъ (особенно „большевиковъ“), представитель которыхъ выступалъ на этомъ съѣздѣ. Понятно также, къ чему вела эта несамостоятельность интеллигентской организаціи. Какъ ни сомнительна тактика рабочей партіи въ этомъ дѣлѣ—она все же опиралась на нѣкоторыя реальныя данныя: лишеніе рабочаго класса избирательныхъ правъ, а главное—наличность у партіи иныхъ силъ и средствъ для политическаго воздѣйствія, помимо

---

[1]) Во всемъ этомъ изложеніи мы имѣемъ въ виду данныя протоколовъ III съѣзда.

думы. Ничего подобнаго нельзя сказать про интеллигенцію. Здѣсь просто цѣнился радикализмъ, какъ таковой, независимо отъ своей практической полезности для массъ; интеллигенція не хотѣла „отстать“ въ этомъ отношеніи отъ революціонныхъ партій соціализма.

Правда, въ преніяхъ на съѣздѣ противоположную позицію (противъ бойкота) заняли совсѣмъ не болѣе демократичные союзы (профессора, писатели, учителя средней школы); напротивъ, это были скорѣе болѣе солидныя и умѣренныя организаціи. Но, вѣдь, все дѣло въ мотивахъ, а не во внѣшнемъ фактѣ того или иного рѣшенія: а эти союзы именно исходили изъ своего большаго оппортунизма. Зато среди воздержавшихся отъ голосованія мы видимъ, дѣйствительно, преобладаніе демократичныхъ союзовъ (крестьянскій союзъ, с. учителей низшихъ школъ, ветеринаровъ, равноправія евреевъ [1]). И мотивы воздержанія здѣсь вполнѣ понятны съ демократической точки зрѣнія. Большинство этихъ союзовъ (3 первыхъ), стоя ближе къ крестьянской жизни, всего менѣе поэтому склонные къ оптимизму, хотѣли испытать сначала почву подъ ногами, взвѣсить реальное соотношеніе силъ, прежде чѣмъ отказаться отъ использованія выборовъ въ Думу, въ которыхъ они могли имѣть вліяніе; характерна въ этомъ смыслѣ ихъ резолюція:

1) Безотлагательно принять мѣры къ объединенію и мобилизаціи всѣхъ демократическихъ элементовъ общества, при посредствѣ и дѣятельномъ участіи союзовъ, для устройства по всей странѣ, вслѣдъ за предстоящимъ обнародованіемъ названнаго закона, массовыхъ протестовъ во имя основныхъ правъ народа противъ началъ, положенныхъ въ основаніе учрежденія Государственной Думы.

2) Разрѣшеніе вопроса объ участіи въ выборной агитаціи и самихъ выборахъ въ Государственную Думу въ отрицательномъ, либо положительномъ смыслѣ считать, въ настоящее время, невозможнымъ. Окончательное въ томъ или другомъ смыслѣ рѣшеніе Союза Союзовъ по этому вопросу дожно быть вынесено слѣдующимъ съѣздомъ делегатовъ по осуществленіи и смотря по результатамъ предположеннаго протеста.

---

[1]) Отсутствіе здѣсь несомнѣнно демократическаго Желѣзнодорожнаго Союза не должно удивлять насъ: становясь на сторону бойкота, онъ во всякомъ случаѣ располагалъ внушительными средствами борьбы; идея всеобщей забастовки уже живетъ въ немъ въ это время. Ничего подобнаго нельзя сказать объ остальныхъ союзахъ бойкотистскаго большинства.

Такъ говорила болѣе демократическая, хотя, повидимому, и менѣе радикальная интеллигенція; такъ же говорила тогда и болѣе демократичная, хоть и „правая", часть соціалъ-демократіи.

Въ послѣдующее время, особенно съ опубликованіемъ акта 6 августа, разногласія въ вопросѣ о Думѣ среди союзовъ разрастаются въ цѣлый кризисъ, едва не приведшій къ расколу. Окончательное рѣшеніе вопроса должно было произойти на слѣдующемъ (IV) съѣздѣ Союза с. 21—23 окт.; но до этого времени, какъ извѣстно, самый вопросъ былъ снятъ съ очереди новымъ движеніемъ рабочей демократіи.

Въ описанномъ движеніи интеллигенціи освобожденцы принимаютъ большое, часто даже руководящее участіе. И мы видѣли, какъ эта интеллигенція, освободившись отъ опеки земцевъ въ „Союзѣ Освобожденія", лѣвѣетъ и развиваетъ присущій ей радикализмъ. Намъ остается посмотрѣть теперь, что представляетъ изъ себя земскій конституціонализмъ, когда онъ также выступаетъ отдѣльно отъ союзной интеллигенціи и на свободѣ проявляетъ свою общественную природу. Только послѣ этого разсмотрѣнія, имѣя данныя объ этой какъ бы внѣбрачной жизни каждаго изъ супруговъ „Союза Освобожденія", мы поймемъ, почему такъ плохо клеилась ихъ семейная жизнь и во что она, наконецъ, превратилась.

Земцы-конституціоналисты тоже не остались внѣ вліянія массовыхъ движеній начала 1905 г. Они полѣвѣли. Сравнительно съ 1904 г., повысился тонъ ихъ заявленій и точность требованій. Это проявилось уже въ земствахъ. Такъ, Вологодское губ. земское собраніе, потрясенное событіемъ 9-го января, энергично указываетъ на нихъ правительству, требуетъ немедленнаго удовлетворенія политическихъ требованій народа и постановляетъ разойтись до тѣхъ поръ, пока это будетъ сдѣлано. Тверское губ. собраніе, въ связи съ обсужденіемъ того же событія, требуетъ 4-хъ чл. изб. права, Владимирское высказывается за свободу стачекъ; Саратовское и Новгородское собранія реагировали на полученное положеніе подобнымъ же образомъ. Въ менѣе точной, но все же энергичной формѣ дѣлаютъ то же и многія другія собранія [1]). Но если въ разнообразной средѣ земскихъ самоуправленій мы наблюдаемъ этотъ процессъ, какъ частичный и неясный, то, естественно, въ организованномъ освобожденскомъ „союзѣ земцевъ-конституціоналистовъ" это проявляется въ болѣе чистомъ и полномъ видѣ. Это показалъ ихъ съѣздъ въ концѣ февраля въ Москвѣ. Тѣ самые люди, которые въ ноябрѣ предыдущаго года заявили такую неопредѣленную программу, принимаютъ теперь формулу всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія. Въ то же время, подъ вліяніемъ рескрипта 18 февр., они спѣшатъ точнѣе установить и другіе принципы своей платформы: двухпалатную систему представительства, аграрную реформу. Въ вопросѣ объ отношеніи къ комиссіи Булыгина, съѣздъ не счелъ нужнымъ отвернуться отъ убійцъ 9-го января; онъ постановилъ, напротивъ, просить Совѣтъ министровъ о допущеніи въ эту комиссію своихъ представителей, въ чемъ однако получилъ отказъ....

1) Московское, Петербургское, Таврическое, Воронежское, Уфимское и др.

Опредѣливъ, такимъ образомъ, свою собственную позицію, группа земцевъ-конституціоналистовъ становится затѣмъ руководящимъ ядромъ въ цѣлой серіи земскихъ и земско-городскихъ съѣздовъ 1905 года. Понятно, что указанный характеръ группы сообщился и всей дѣятельности этихъ съѣздовъ.

Такъ, общеземскій съѣздъ въ концѣ апрѣля въ общемъ повторяетъ резолюціи союза конституціоналистовъ объ избирательномъ правѣ и комиссіи Булыгина; въ области конкретныхъ земскихъ вопросовъ онъ высказывается противъ правительственныхъ „комиссій для борьбы съ холерою" (11 авг. 1903 г.) и постановляетъ отказаться отъ всякаго участія въ полу-полицейскихъ комиссіяхъ для борьбы съ аграрными безпорядками—этихъ прототипахъ современныхъ „землеустроительныхъ" комиссій.

Апрѣльскій съѣздъ былъ послѣднимъ исключительно земскимъ изъ общихъ съѣздовъ. Буржуазія многихъ городскихъ самоуправленій уже достаточно опредѣлилась политически къ этому времени, чтобы два родственныхъ теченія не оставались далѣе разобщенными. Дѣйствительно, уже съ начала 1905 г. городскія думы заявляютъ свои требованія и пожеланія въ адресахъ, петиціяхъ и демонстративныхъ постановленіяхъ. Правда, при этомъ лишь слабое меньшинство формулируетъ свои пожеланія настолько опредѣленно, чтобы можно было по нимъ опредѣлить типъ либерализма. Но, вѣдь, то же мы видѣли и среди земствъ.

Большинство, если не собраній, то гласныхъ, включая сюда абсентистовъ, остается въ это время еще неизвѣстной величиной—обстоятельство, чреватое въ будущемъ большими неожиданностями для судьбы либерализма въ этихъ владѣльческихъ гнѣздахъ.

Какъ бы то ни было, въ данное время либерализмъ выглядитъ здѣсь господиномъ положенія. Среди массы менѣе опредѣленныхъ адресовъ и заявленій встрѣчаются и такія, которыя слѣдуютъ „духу времени"; Московская, Симбирская, Ковенская и Краснохолмская думы принимаютъ 4 членную формулу избират. права. Кавказскія думы отличаются еще большимъ радикализмомъ; Ставропольская и Тифлисская дума прямо говорятъ объ Учредительномъ Собраніи, а Эриванская, кромѣ того, требуетъ національизаціи земли, муниципализаціи хозяйственныхъ предпріятій и полнаго уравненія въ правахъ мужчинъ и женщинъ.

Конечно, и этотъ либерализмъ городскихъ „отцовъ", такъ отставшій по времени отъ земскаго, стремится, подобно этому послѣднему, къ объединенію. Еще въ февралѣ состоялось въ Москвѣ частное совѣщаніе прогрессивныхъ городскихъ дѣятелей, обсуждавшее, между прочимъ, вопросъ объ отношеніи къ Булыгинской Думѣ. Но еще до завершенія этого объединенія представителямъ городского самоуправленія пришлось встрѣтиться съ земцами. Толчокъ къ этому дала цусимская катастрофа.

Потрясающее событіе, такъ рѣзко вскрывшее крахъ самодержавія, было особенно способно объединить на одномъ чувствѣ даже разнородные элементы общества. Руководясь этимъ, освобожденское большинство земцевъ въ „организаціонномъ бюро" созываетъ коалиціонный съѣздъ 24 мая, пригласивъ туда не только представителей городскихъ самоуправленій, но и славянофильское меньшинство земскихъ дѣятелей съ Д. Шиповымъ во главѣ и даже предводителей дворянства.

Къ чему же могъ прійти такой съѣздъ?

Если уже для земцевъ-конституціоналистовъ обращеніе къ власти является наиболѣе обычнымъ проявленіемъ политической оппозиціи, то неудивительно, что коалиціонный характеръ съѣзда способствовалъ только еще большему смягченію шага, болѣе умѣренной редакціи адреса, заявленнаго извѣстной депутаціей 6 іюня съ кн. С. Трубецкимъ во главѣ. Дѣйствительно, первоначальная редакція, болѣе рѣшительная и опредѣленная, была видоизмѣнена съѣздомъ подъ давленіемъ шиповцевъ и предводителей и уже въ этомъ видѣ представлена въ Петергофъ. Адресъ, энергичный по тону, не содержитъ тѣхъ опредѣленныхъ принциповъ, которые уже главенствовали въ это время даже въ земскихъ конституціонныхъ кругахъ. Вмѣсто 4-хчленной формулы избирательнаго права онъ говоритъ о необходимости немедленнаго созыва народныхъ представителей, „избранныхъ для сего равно и безъ различія всѣми подданными", т.-е. лишь о всеобщемъ и равномъ изб. правѣ; вмѣсто сочувственнаго и нейтральнаго отношенія конституціоналистовъ къ революціоннымъ и демократическимъ теченіямъ, онъ ясно отгораживается отъ „крамолы".

Но все это становится понятнымъ, если не видѣть за этимъ актомъ какой-нибудь политической группы, а именно лишь коалиціонный актъ, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто впослѣдствіи въ отвѣтномъ адресѣ первой Думы. Либерализмъ, особенно чуткій къ объединительнымъ интересамъ, охотно прибѣгаетъ къ этому виду выступленій.

Очень интересно, что этотъ вопросъ о характерѣ адреса и депутаціи" 6 іюня былъ поднятъ на іюльскомъ (9—10) съѣздѣ группы конституціоналистовъ подъ вліяніемъ „того невыгоднаго впечатлѣнія, которое было произведено, главнымъ образомъ на элементы, стоящіе влѣво отъ земствъ, петергофской депутаціей и, въ частности, недостаточно опредѣленнымъ содержаніемъ и нѣкоторыми отдѣльными выраженіями рѣчи кн. Трубецкого". Земскіе конституціналисты, такъ обезпокоенные за свою политическую репутацію, поспѣшили разъяснить дѣло въ вышеуказанномъ смыслѣ.

Экстренный съѣздъ 24 мая носилъ спеціальный характеръ. Земскіе и городскіе дѣятели впервые встрѣтились здѣсь еще не за „органической" политической работой, не за дѣловой разработкой своихъ политическихъ принциповъ. Да городскіе дѣятели и не были еще подготовлены къ этому, такъ какъ еще не организовались и не собрали вокругъ себя большинства городскихъ думъ. Поэтому ранѣе настоящихъ земско-городскихъ съѣздовъ мы еще видимъ отдѣльные городскіе съѣзды. 2 іюня въ Москвѣ совѣщаются городскіе головы Москвы, Нижняго. Казани, Харькова и Курска съ участіемъ Н. Н. Щепкина. Въ результатѣ горо-

жане, подобно земцамъ, образуютъ собственное „организаціонное бюро съѣздовъ“.

Самый съѣздъ собрался 15 іюня. Резолюціи его по вопросу объ избирательномъ правѣ, объ организаціи законодательныхъ палатъ, о Булыгинской Думѣ въ общемъ сходны съ земскими и несомнѣнно приняты отчасти подъ ихъ вліяніемъ. Наиболѣе существеннымъ отличіемъ является полное отсутствіе вопросовъ тактики: городскіе буржуа съѣхались, очевидно, не для борьбы или хоть серьезной политической оппозиціи, а лишь для принятія резолюцій. Отсутствіе такихъ давнихъ и прочныхъ политическихъ интересовъ, какіе развились въ земской средѣ еще изъ старинной сословно-дворянской оппозиціи бюрократическому режиму, сказывается очень замѣтно въ этой молодой, еще мало опредѣлившейся буржуазіи. Мы вновь видимъ, такимъ образомъ, политическую отсталость ея сравнительно съ либерализмомъ земскимъ.

Слѣдующіе съѣзды представителей самоуправленія являются уже земско-городскими.

Съѣздъ 6 іюля, занявшійся вопросомъ о булыгинской Думѣ, вскрылъ существовавшія въ земско-городской средѣ теченія по этому вопросу.

Мы уже видѣли, на какія группы разбилась въ томъ же вопросѣ интеллигенція профессіонально-политическихъ союзовъ. За участіе въ Думѣ высказывалась болѣе оппортунистическая часть союзовъ, особенно склонная мириться на немногомъ. За бойкотъ была радикальная интеллигенція большинства союзовъ. Но она не была въ то же время и наиболѣе демократичной, такъ какъ руководилась не своимъ собственнымъ знаніемъ массъ и ихъ интересовъ, а красивыми, боевыми лозунгами, навѣянными со стороны. Дѣйствительная демократія „Союза союзовъ“ стала, напротивъ, на позицію, если не самую „крайнюю“, то во всякомъ случаѣ самую практичную съ точки зрѣнія интересовъ крестьянства, для котораго бойкотъ еще не былъ понятенъ, а потому не былъ и полезенъ, вовлеченіе же въ политическую пропаганду на выборахъ было несомнѣнно полезнымъ.

На земско-городскихъ съѣздахъ 6 іюля и 12 сентября, обсуждавшихъ этотъ вопросъ, мы почти не находимъ этой послѣдней демократической точки зрѣнія; здѣсь всѣ противорѣчія лежатъ

какъ бы въ другой плоскости, на слѣдующей низшей степени демократизма.

Тактика бойкота защищается немногочисленной группой интеллигентскаго типа, при чемъ характерное для нея преобладаніе моральныхъ мотивовъ выступаетъ съ особенной ясностью. Корренспондентъ со съѣзда 12 сент. прямо сообщаетъ этотъ аргументъ бойкота: „не итти въ Думу требуютъ самые элементарные принципы этики“ [1]). Съ другой стороны, тактика вхожденія въ Думу поддерживается по разнымъ мотивамъ двумя группами: оппортунистическимъ большинствомъ и кадетской „лѣвой“ (Родичевъ, Щепкинъ и др.). Но даже и послѣдніе имѣютъ въ виду не столько демократическое использованіе самаго выборнаго процесса, сколько свою собственную политическую демонстрацію въ Думѣ: въ Думу надо итти, „чтобы оттуда бойкотировать ее; заявить: это не настояшее народное представительство, мы уходимъ; это и будетъ настоящій бойкотъ“. Лучшаго, болѣе демократичнаго либерализма, чѣмъ этотъ, мы здѣсь не встрѣчаемъ.

Оставивъ нерѣшеннымъ вопросъ о Думѣ, съѣздъ 6 іюля стремится демократизировать свою тактику. Онъ постановляетъ все то же „самочинное“ осуществленіе свободъ, или по новой терминологіи „отстаиваніе естественныхъ правъ“, не взирая на волю администраціи и даже формальный законъ. Наконецъ, съѣдъ вырабатываетъ свое обращеніе къ народу, не получившее однако сколько-нибудь значительнаго распространенія.

Здѣсь умѣстно вспомнить, что 1905 годъ былъ періодомъ усиленныхъ попытокъ либерализма овладѣть политическимъ сознаніемъ крестьянства. Либеральные земцы и ихъ „третій элементъ“ распространяютъ въ это время среди крестьянъ всякаго рода популярную политическую литературу: листки съ воззваніями земскаго съѣзда, тексты рѣчей депутаціи 6 іюня или просто популярныя листовки и брошюры легальныхъ политическихъ изданій, появившихся въ это время. Въ другихъ случаяхъ имѣютъ мѣсто прямыя обращенія къ крестьянамъ на сходахъ или привлеченіе ихъ въ лицѣ земскихъ гласныхъ и особыхъ уполномоченныхъ къ частнымъ совѣщаніямъ земцевъ или въ комиссіи.

---

[1]) См. Правда 1905 сент.—окт., стр. 301.

При этомъ можно замѣтить два рода мотивовъ, руководившихъ просвѣтителями: они искали въ крестьянствѣ политической поддержки въ борьбѣ противъ самодержавія и, съ другой стороны, разсчитывали направить въ болѣе мирное и безопасное русло полудикую аграрную борьбу крестьянства. Первый мотивъ преобладаетъ въ такихъ попыткахъ либерализма, какъ извѣстная поѣздка кн. П. Долгорукова по Рузскому уѣзду. Второй мотивъ находимъ особенно ясно выраженнымъ въ демократическихъ попыткахъ Саратовскаго губ. земства, которое въ собраніи 17 іюня признало желательнымъ организацію крестьянскихъ союзовъ на подобіе тѣхъ, какія организовались въ Московской и Курской губ. и въ Петровскомъ уѣздѣ Саратовской губ. Вся исторія этой попытки совѣщанія земцевъ съ крестьянскими гласными и уполномоченными ясно обнаруживаютъ главную тенденцію земскаго конституціонализма: сдѣлать „правомѣрнымъ“ аграрное движеніе.

Въ менѣе яркихъ формахъ указанныя выступленія земцевъ происходятъ въ цѣломъ рядѣ другихъ земствъ, пока самъ земскій конституціонализмъ не былъ свергнутъ реакціей изъ своей же земской среды. Послѣ этого, съ конца 1905 г. политическое вліяніе надъ крестьянствомъ переходитъ къ демократическому мелкобуржуазному радикализму („Крестьянскій Союзъ“) и къ соціалистическимъ партіямъ (с. р., с. д.).

Возвратимся однако къ политическому движенію земскаго конституціонализма въ этотъ періодъ его расцвѣта. Съѣздъ 12 сентября окончательно рѣшаетъ вопросъ о Думѣ въ смыслѣ небойкотистскаго кадетскаго либерализма, сильно, впрочемъ, разбавленнаго оппортунизмомъ большинства. Это ясно видно изъ самой резолюціи съѣзда:

„Совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей, полагая, что Государственная Дума, которая должна быть созванной на основаніи закона 6 авг. 1905 г., не является народнымъ представительствомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду, что выборное собраніе, объединяющее значительную часть общественныхъ силъ на всемъ пространствѣ Имперіи, можетъ послужить средоточіемъ и точкой опоры для общественнаго движенія, стремящагося къ достиженію политической свободы и правильнаго народнаго представительства—признаетъ желательнымъ, чтобы русскіе граждане... вошли въ возможно большемъ числѣ въ Госуд. Думу и образовали тамъ сплоченную группу съ цѣлью достигнуть черезъ ея посредство гарантій свободы и равенства...“ и т. д.

Здѣсь, видимъ, во-первыхъ, что земцы, подчеркивая объединяющее политическое значеніе самой Думы, представленной почти исключительно владѣльческими элементами, даже и не упоминаютъ о главномъ, съ демократической точки зрѣнія, мотивѣ участія: объ использованіи въ интересахъ массъ самаго процесса избирательной кампаніи.

Во-вторыхъ, намѣчая цѣли вхожденія въ Думу, резолюція говоритъ уже не о политической демонстраціи, не о „требованіи и уходѣ“, а рекомендуетъ „добиваться“ свободъ, т.-е. обычную парламентскую работу; она даже не ограничиваетъ ясно и круга ея, такъ какъ, намѣчая лишь общія цѣли, не говоритъ о томъ, должны ли онѣ быть не только обязательными, но и исключительными. Такъ открывается лазейка оппортунизма въ „лѣвомъ“ рѣшеніи.

Тотъ же съѣздъ, готовясь къ выборамъ, вырабатываетъ и свою избирательную платформу. Она отчасти уже знакома намъ по проектамъ прежнихъ съѣздовъ; это лишь сокращенная земская программа со своей 2-хпалатной системой, женскимъ политическимъ безправіемъ и пр. Аграрная программа изложена въ видѣ очень общихъ и неопредѣленныхъ принциповъ въ духѣ частичнаго надѣленія съ принудительнымъ отчужденіемъ по справедливой оцѣнкѣ. Еще менѣе опредѣленно затронутъ рабочій вопросъ. Если сравнить эти схемы, принятыя, благодаря своей крайней неопредѣленности, почти безъ преній, съ ясными и разработанными политическими нормами, то станетъ яснымъ, что въ этихъ послѣднихъ—все дѣло. Соціальная программа носитъ какъ бы тактическій характеръ, имѣетъ въ виду лишь уловленіе демократическаго избирателя. Въ политическихъ реформахъ заключаются, напротивъ, главныя цѣли и существенные интересы самихъ либеральныхъ круговъ интеллигенціи и буржуазіи. Недаромъ и воззваніе съѣзда къ избирателямъ усиленно подчеркиваетъ, что эта программа „не партійная, а настолько общая, что она могла объединить вокругъ себя дѣятелей, которые на отдѣльные вопросы смотрятъ различно, но одинаково стремятся къ устраненію главнаго зла русской жизни“, т.-е. способны добиваться „политической реформы Думы и обезпеченія основныхъ

---

[1]) См. „Спутникъ избирателя“ 1906 г. изд. Ефрона, стр. 48.

правъ гражданъ". А потому и „суть" программы то же воззваніе уже прямо сводитъ къ тремъ пунктамъ исключительно политическаго характера.

1. Обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ.

2. Установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права.

3. Рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей.

Политическія реформы являются, конечно, средствомъ для соціальныхъ и экономическихъ завоеваній. Поэтому первое мѣсто для политической программы понятно логически. Но когда на второмъ мѣстѣ, вмѣсто главной цѣли, матеріи всѣхъ стремленій стоитъ почти пустое мѣсто — это не лишено общественно-психологическаго значенія.

Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей происходилъ уже въ обстановкѣ назрѣванія либеральныхъ политическихъ партій. Онъ стоялъ на исходѣ періода предварительныхъ политическихъ организацій, также какъ и предварительной массовой революціи. Чтобы закончить обзоръ либерализма этого періода, упомянемъ здѣсь объ эволюціи чистовладѣльческаго либерализма.

Мы видѣли въ предыдущемъ два его теченія: славянофильство меньшинства земскихъ съѣздовъ и умѣренный либерализмъ крупной промышленной буржуазіи. Что касается этой послѣдней, то ея контръ-революціонныя тенденціи скрывались, какъ мы видѣли отчасти, уже въ ея либеральныхъ запискахъ начала года, насколько онѣ касались вопросовъ соціально-экономическихъ. Эти тенденціи могли только усиливаться въ послѣдующее время, по мѣрѣ того, какъ рабочее движеніе оказывалось все болѣе затяжнымъ процессомъ революціи, несмотря на сдѣланныя политическія уступки. На это указываютъ общественныя выступленія той же буржуазіи, начиная съ мая. Такъ, докладная записка горнозаводчиковъ и промышленниковъ московскаго района, составленная для Высоч. Утвержденной Комиссіи, уже не довольствуется своимъ пониманіемъ свободы стачекъ: она требуетъ освобожденія предпринимателя отъ обязанности платить „невольнымъ" забастовщикамъ, требуетъ отмѣны „устарѣвшей" статьи объ обязанности предупреждать увольняемаго за 2 недѣли и, наконецъ, высказывается противъ всякаго вообще фабричнаго законодательства! Но и въ политическомъ отношеніи нѣкоторые круги этого класса уже ясно проявляютъ свое враждебное отношеніе къ революціи, даже въ ея либеральныхъ теченіяхъ. Удобный предлогъ для этого представилъ національный вопросъ на земско-городскихъ съѣздахъ: подъ флагомъ националистическаго консерватизма и начала свою контръ-революціонную политику часть буржуазіи, предводимая А. Гучковымъ. Выступавшій почти одинокимъ на земско-городскомъ съѣздѣ въ сентябрѣ, онъ на ноябрьскомъ съѣздѣ стоитъ на той же позиціи уже во главѣ группы.

Гораздо яснѣе и активнѣе проявляетъ себя славянофильская фракція крупновладѣльческихъ классовъ: снова политическіе навыки и энергія оказываются на сторонѣ земцевъ-дворянъ, имѣющихъ солидныя историческія традиціи и унаслѣдованныя политическія претензіи. Поэтому, въ то время, какъ буржуазный либерализмъ остается еще неорганизованнымъ, мало выходитъ изъ круга политическихъ записокъ и заявленій отъ разныхъ профессіональныхъ группъ капиталистовъ, славянофильское дворянство выступаетъ уже политически-сплоченной группой, сначала на ноябрьскомъ земскомъ съѣздѣ 1904 г., а затѣмъ и на общеполитической почвѣ.

Уже вскорѣ послѣ манифеста 18 февр., давшаго формальное право на политическую организацію, образуется „національно-прогрессивная" („русская") партія съ Д. Шиповымъ во главѣ. Основные принципы ея не выходятъ изъ предѣловъ затхлой славянофильской утопіи: это „Государственный Земскій Совѣтъ", избираемый органами мѣстнаго самоуправленія, при чемъ послѣдніе предполагаются распространенными на всю Россію и реорганизованными на началахъ привлеченія „всѣхъ наличныхъ силъ населенія"; значитъ, двухстепенные выборы на основѣ только всеобщаго избир. права. Министры не отвѣтственны передъ Совѣтомъ, роль котораго чисто совѣщательная.

Майскій коалиціонный съѣздъ былъ послѣднимъ случаемъ совмѣстнаго выступленія славянофиловъ и конституціоналистовъ. Далѣе они идутъ уже совсѣмъ различными путями, которые особенно ясно обрисовываются въ партійныхъ организаціяхъ послѣдующаго періода.

IV. Партійное движеніе либерализма.

Уже рескриптъ 18 февр., возвѣстившій принципъ совѣщательнаго народнаго представительства, давалъ нѣкоторые побудительные мотивы и вмѣстѣ формальное право на организацію политическихъ партій. И уже съ марта мы видимъ эти попытки образованія открытыхъ организацій. По условіямъ административнаго режима, особенный просторъ въ этомъ дѣлѣ имѣютъ въ это время реакціонныя и умѣренныя группы; онѣ поэтому и организуются раньше всѣхъ. Такъ, конецъ марта и начало апрѣля были временемъ возникновенія двухъ главныхъ реакціонныхъ партій („Монархической" и „Союза русскихъ людей") вмѣстѣ съ безчисленными мелкими кружками того же рода. Одновременно, какъ мы знаемъ, организуется и „національно-прогрессивная" партія славянофильства.

Болѣе робки и рѣдки попытки чисто либеральныхъ партійныхъ организацій. Такъ, въ концѣ апрѣля въ Москвѣ среди группы городскихъ гласныхъ возникаетъ проектъ образованія „Партіи народной свободы", программа которой должна была состоять: 1) изъ общеполитическихъ требованій въ духѣ земскихъ конституціоналистовъ; 2) соціально-экономическихъ принциповъ въ духѣ программы-minimum с.-д-іи; 3) изъ принциповъ муниципальнаго устройства. Но, разумѣется, болѣе внушительныхъ шаговъ въ этомъ направленіи можно было ожидать только отъ главной силы либерализма—„Союза освобожденія" и связанной съ нимъ группы земцевъ-конституціоналистовъ. Эти же круги, обладая конспиративной организацiей, не имѣли пока склонности мѣнять ее на открытую партійную: слишкомъ еще ненадежно было такое предпріятіе въ періодъ безпрерывныхъ репрессій. Только съ опубликованіемъ акта 6 авг. и съ приближеніемъ времени выборовъ такой шагъ становится, наконецъ, совершенно неотложнымъ. Дѣйствительно, въ августѣ и сентябрѣ наблюдается сильное партійное броженіе въ рядахъ освобожденскаго либерализма. Различныя губернскія группы Союза уже образуютъ кое-гдѣ открытыя совѣщанія и группировки на почвѣ „конституціонно-демократической" (мартовской) программы Союза. Сюда входили при этомъ преимущественно сред-

ніе слои интеллигенціи. Болѣе лѣвые были поглощены работой въ революціонныхъ Союзахъ и „Союзѣ союзовъ" и, подъ вліяніемъ повышенной атмосферы лѣтнихъ возстаній во флотѣ, рабочихъ и крестьянскихъ волненій, уже не довольствовались рамками освобожденскихъ цѣлей и, главное, освобожденской тактики. Съ другой стороны, болѣе правые элементы еще крѣпко держались за земскіе съѣзды и земскую организацію. Такимъ образомъ, именно средніе, обезпеченные слои интеллигенціи и буржуазіи берутъ на себя иниціативу созданія партіи. Съ пропагандой этого дѣла они проникаютъ въ это время на всѣ либеральныя собранія.

Эти стремленія впервые получили практическое выраженіе на съѣздѣ земцевъ-конституціоналистовъ 9—10 іюля (на томъ самомъ, который такъ поспѣшно отгородилъ себя отъ отвѣтственности за характеръ депутаціи 6 іюня). Съѣздъ, признавъ необходимымъ организацію либеральной партіи, выбралъ спеціальную комиссію для разработки программы. Ту же задачу взялъ на себя, наконецъ, и весь „Союзъ освобожденія" на своемъ послѣднемъ съѣздѣ въ концѣ августа 1905 г. Это рѣшеніе вытекало изъ его отношенія къ Думѣ 6 авг.

Дѣйствительно, вопросъ о ней былъ рѣшенъ съѣздомъ въ смыслѣ вхожденія, хотя и не одинаково съ вышеприведеннымъ рѣшеніемъ земско-городского съѣзда съ его оппортунистическими лазейками. „Союзъ освобожденія" ясно ограничилъ участіе въ Думѣ одной демонстративной цѣлью: заявить о недѣйствительности даннаго народнаго представительства, потребовать свободъ и Учредительнаго собранія, а не получивъ ихъ—уйти. Слѣдовательно, рѣшеніе Союза какъ разъ соотвѣтствовало тому лѣвому теченію земско-городскихъ съѣздовъ (Родичевъ, Щепкинъ), который былъ такъ щедро разбавленъ оппортунизмомъ на сентябрьскомъ съѣздѣ. Сопоставляя, съ другой стороны, тѣ же рѣшенія съ резолюціями „Союза союзовъ", мы видимъ, что „Союзъ освобожденія" занимаетъ какъ разъ среднее мѣсто: бойкотъ и демократически-мотивированное вхожденіе остались ему чужды такъ же, какъ и оппортунистическія стремленія къ „органической" работѣ въ булыгинской думѣ.

Какъ бы то ни было, но и это вхожденіе предполагало предвыборную борьбу и, слѣдовательно, партійную организацію. По-

этому тотъ же съѣздъ закончилъ свои работы рѣшеніемъ приступить къ организаціи „конституціонно-демократической“ партіи. Выбранная для разработки вопроса комиссія его соединилась съ комиссіей земцевъ-конституціоналистовъ и вмѣстѣ онѣ подготовили данныя для учредительнаго съѣзда партіи 12—18 октября. Но послѣдній какъ разъ совпалъ съ новымъ движеніемъ пролетарской демократіи, существенно перевернувшимъ политическую обстановку народной борьбы.

Въ нашу задачу не входитъ описаніе этого движенія въ цѣломъ; мы ограничимся лишь опредѣленіемъ роли въ немъ либерализма.

Во главѣ движенія стояли, какъ извѣстно, служащіе и рабочіе желѣзныхъ дорогъ, объединенные еще съ весны въ профессіонально-политическій союзъ. Входя въ организацію союзовъ интеллигенціи, „Желѣзнодорожный союзъ“ занималъ тамъ довольно исключительное, своеобразное положеніе. Онъ не былъ интеллигентскимъ, такъ какъ объединялъ въ себѣ и рабочихъ. Если все же въ выборныхъ комитетахъ и на съѣздахъ большинство состояло изъ интеллигенціи, то это была во всякомъ случаѣ болѣе демократичная, менѣе привиллегированная интеллигенція, чѣмъ въ большинствѣ другихъ союзовъ. Организовавшись вмѣстѣ съ рабочей демократіей, она только обезпечила себѣ еще большій демократизмъ и вмѣстѣ—политическую силу. Это была крупнѣйшая величина въ средѣ союзовъ.

И борьба, начатая желѣзнодорожнымъ персоналомъ, стояла въ связи не съ перипетіями либеральной политики, а съ рабочимъ движеніемъ: забастовочное движеніе въ Москвѣ во второй половинѣ сентября, рабочіе митинги въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, столкновенія съ полиціей и черной сотней — въ такой средѣ родилась великая освободительная забастовка. Въ самомъ дѣлѣ, еще не затихли волненія типографщиковъ и пекарей, какъ уже 29 сент. начинается броженіе въ мастерскихъ Московско-Казанской и Моск.-Курской жел. дорогъ, а за ними и въ другихъ службахъ. Только для предупрежденія частичныхъ забастовокъ, вредныхъ по прежнимъ опытамъ всего этого года, Центральное Бюро союза объявило, наконецъ, всеобщую, выставивъ рядъ требованій политическаго и профессіональнаго характера. Немедленно движеніе охватываетъ почти всѣ дороги, распространяясь отъ Москвы по радіусамъ.

Это стремительное движеніе, сразу парализовавшее нормальный ходъ жизни въ странѣ, быстро притягиваетъ къ себѣ и объдиняетъ всѣ боевыя силы городского населенія, которыя до этого времени вели разрозненную спорадическую борьбу съ режимомъ. На первомъ мѣстѣ стояли здѣсь, конечно, фабрично-заводскіе рабочіе, для которыхъ и цѣль борьбы и ея методъ были дѣломъ уже привычнымъ и близкимъ. Сюда же присоединилась и либеральная интеллигенція.

Уже 11-го октября, когда еще не стало большинство фабрикъ, московскій отдѣлъ Союза инженеровъ присоединяется къ забастовкѣ дорогъ и прекращаетъ занятія въ нѣсколькихъ техническихъ конторахъ. 12-го то же рѣшеніе принимаетъ Петербургское отдѣленіе. Одновременно бастуютъ интеллигентные служащіе земскихъ и городскихъ управъ. 14-го въ петербургскомъ университетѣ состоялись собранія всѣхъ профессіонально-политическихъ союзовъ интеллигенціи, постановившихъ немедленно присоединиться къ политической забастовкѣ и принять въ ней активное участіе. Каждый изъ союзовъ образовалъ здѣсь спеціальный стачечный комитетъ, которые въ свою очередь организовали цѣлый рядъ делегацій въ различныя учрежденія, примѣняющія интеллигентскій трудъ, для прекращенія работъ. Такимъ образомъ были пріостановлены работы въ управахъ, банкахъ, конторахъ, правленіяхъ, судахъ, школахъ, даже въ сенатѣ, при чемъ нѣкоторые делегаты были арестованы. Безъ сомнѣнія, всеобщій характеръ стачки достигнутъ не безъ существенной помощи организованной интеллигенціи: она распространила ее на такія области труда, которыя лежали внѣ предѣловъ досягаемости и сноровки рабочихъ делегацій. Помимо этого активнаго участія, буржуазная интеллигенція оказала и значительную денежную помощь: въ первые же дни послѣ присоединенія къ движенію Союза союзовъ имъ было передано въ пользу бастующихъ рабочихъ 20.000 руб.

И другія теченія либерализма откликнулись по-своему въ этотъ острый моментъ борьбы. Средній либерализмъ, въ лицѣ учредительнаго съѣзда кадетовъ, выразилъ сочувствіе движенію, въ которомъ видѣлъ „организованное мирное и въ то же время грозное выступленіе рабочаго класса, политически безправнаго, но общественно могучаго“. Насколько члены партіи принадлежали въ то время и къ союзамъ, они, конечно, не ограничились этой

платонической поддержкой. Гораздо хуже отнесся къ забастовкѣ владѣльческій либерализмъ. Въ бурные дни, вызвавшіе сильную черносотенную реакцію и междоусобицу въ городскихъ массахъ, особенное значеніе получали городскія самоуправленія, располагавшія и средствами и организаціей для охраны „ввѣреннаго" имъ населенія. Однако, участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ было крайне слабо. Острая потребность въ организаціи гражданской милиціи противъ хулиганства, союзнаго съ полиціей, удовлетворяется едва ли не одной Казанской думой. Поставленный на очередь въ рядѣ другихъ думъ, этотъ вопросъ встрѣчаетъ уклончивое отношеніе и прямо или косвенно оказывается замятымъ (Московск. дума, Полтавская, Одесская, Брянская). Вообще же, сколько-нибудь серьезное сочувствіе освободительному движенію выразили лишь единичныя думы. Такъ, Севастопольская дума приняла постановленіе объ удаленіи войсковыхъ и казачьихъ патрулей и передала охрану города въ руки народныхъ депутатовъ (с.-д.), на что ассигновала 2.000 руб. Харьковская дума приняла участіе въ интеллигентскомъ „комитетѣ безопасности", сыгравшемъ роль посредника между военнымъ начальствомъ и осажденными въ университетѣ революціонерами, она же ассигновала потомъ 10.000 руб. въ пользу забастовавшихъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ. Саратовская и Ѳеодосійская думы постановили прекратить квартирное довольствіе казакамъ отъ города, Минская же дума, послѣ побѣды Курлова надъ безоружнымъ населеніемъ города, выкинула надъ своимъ зданіемъ траурный флагъ... Но наряду съ этими единичными случаями можно найти въ той же средѣ и противоположныя явленія, вродѣ награды казаковъ со стороны Тверской думы за энергичное охраненіе порядка.

Громадное же большинство думъ остались довольно безучастными зрителями правительственныхъ и хулиганскихъ расправъ съ крамольнымъ населеніемъ.

Еще болѣе слабыя и рѣдкія проявленія сочувствія оказались въ предпринимательской буржуазіи. Самой общей формой этого сочувствія была безпрепятственная выдача заработной платы за дни октябрьской забастовки. Но это было, конечно, очень немного въ сравненіи съ общеполитической услугой рабочаго класса. Въ отдѣльныхъ случаяхъ сочувствіе предпринимателей политическимъ цѣлямъ движенія принимало болѣе демонстративную

форму. 11 октября, когда забастовали рабочіе чайной фирмы Кузнецова въ Москвѣ, владѣлецъ заранѣе объявилъ, что они будутъ получать во все время забастовки жалованье и пользоваться хозяйскимъ столомъ. 13 октября частное совѣщаніе владѣльцевъ металлическихъ фабрикъ московскаго района постановило отказаться отъ услугъ казаковъ на своихъ забастовавшихъ фабрикахъ и т. п.

Итакъ, въ движеніи оказываются затронутыми, хотя и въ чрезвычайно различной степени, всѣ классы новаго городского хозяйства: пролетаріатъ, интеллигенція, промышленная буржуазія. Это потому, что дѣло шло о политическомъ переворотѣ, выгодномъ всему этому конгломерату классовъ высшей производительности; а выгода передовыхъ классовъ—это сама экономическая необходимость.

Посмотримъ теперь, какія послѣдствія для либерализма имѣлъ политическій результатъ этой борьбы.

Манифестъ 17 октября, вынужденный забастовкой, рѣзко измѣнилъ формально политическое положеніе: вмѣсто миража народнаго представительства по закону 6 авг., изъ-за него уже выглядѣли контуры настоящей конституціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ сила, проявленная рабочей демократіей, снова не осталась безъ вліянія на дальнѣйшее разслоеніе общественныхъ теченій и ихъ партійную кристаллизацію.

Учредительный съѣздъ к.-д-ской партіи, застигнутый великой забастовкой и манифестомъ, еще не могъ въ достаточной мѣрѣ отразить этихъ вліяній, такъ какъ, изъ-за прекращенія желѣзнодорожнаго движенія, онъ собрался менѣе чѣмъ въ половинѣ нормальнаго состава. Однако съѣхавшіеся делегаты разныхъ группъ освобожденцевъ и земскихъ конституціоналистовъ представляли достаточно разнородное собраніе, чтобы образованіе партіи могло обойтись безъ сильныхъ преній. Средняя линія, проведенная бюро, не удовлетворяла ни крайнихъ правыхъ, ни крайнихъ лѣвыхъ членовъ. Первые, особенно бросившіеся въ оппортунизмъ съ выходомъ манифеста, боролись съ принципомъ Учредительнаго Собранія, однопалатной системы и избирательнаго права женщинъ. Вторые, обиженные двойственнымъ рѣшеніемъ послѣднихъ двухъ вопросовъ, еще менѣе были удовлетворены умѣренной и пассивной тактикой нарождающейся партіи. Въ концѣ концовъ, какъ

это окончательно выяснилось уже въ ноябрѣ, партія образовалась изъ центра освобожденскаго либерализма, потерявшаго при „конверсіи“ въ партію оба своихъ крайнихъ крыла. Вправо ушли наиболѣе умѣренные изъ владѣльческихъ элементовъ (какъ Н. Н. Львовъ), отчасти примкнувшіе къ „Союзу 17 окт.“, отчасти остававшіеся безпартійными, а впослѣдствіи вступившіе въ партію „Мирнаго обновленія“. Слѣва откололось радикальное народничество (группа „Русскаго Богатства“, впослѣдствіи „народные соціалисты“) и различные внѣпартійные и критическіе соціалисты, близкіе къ с.-д-тіи (С. Прокоповичъ, Е. Кускова, вся вообще группа „Безъ заглавія“). Всѣ эти лѣвые продолжаютъ руководить интеллигентскими союзами и даже пытаются образовать собственные центры (соціалъ-политическій клубъ). Напротивъ, болѣе умѣренные и привилегированные к.-д-скіе слои интеллигенціи, получившіе партійное пристанище, покидаютъ понемногу въ это время союзы, распускаютъ „Союзъ освобожденія“ и ликвидируютъ въ ноябрѣ земско-городскіе съѣзды. Буржуазно-интеллигентскій либерализмъ стягиваетъ такимъ образомъ свои силы въ одну партію.

Однако первое время существованія новой партіи было нерадостнымъ для нея. Зародившись въ дни величайшаго революціоннаго подъема и престижа рабочей демократіи, либеральная партія сразу попала въ невыгодное положеніе. Составленная изъ мирныхъ круговъ интеллигенціи и передовыхъ владѣльцевъ, неспособная по самой природѣ своей къ активной революціонной борьбѣ, она казалась въ то время какимъ-то мало пригоднымъ придаткомъ происходящей революціи, скорѣе ея послѣдствіемъ, чѣмъ факторомъ. Она появилась вмѣстѣ съ шумомъ первой побѣды, но пришла не съ поля битвы, не была однимъ изъ побѣдоносныхъ отрядовъ, радостно встрѣчаемыхъ населеніемъ. Ей былъ чуждъ ореолъ побѣдителей; но не было чуждо стремленіе использовать по-своему результаты борьбы. Въ угарѣ общаго возбужденія и порывовъ къ новой борьбѣ, она стала проповѣдывать осторожность и компромиссъ — положеніе, безнадежное въ такіе моменты независимо отъ степени своей объективной цѣлесообразности.

Такимъ образомъ, дни свободы (октябрь—ноябрь) не были красными днями для либерализма. На безчисленныхъ демократическихъ митингахъ, въ профессіональныхъ собраніяхъ рабочихъ и служащихъ, даже въ печати онъ оттѣснялся на второй планъ соціалистическими теченіями, особенно соціалъ-демократіей. Его не слушали, относились съ пренебреженіемъ, третировали. „Что можетъ дать эта кучка... активнымъ элементамъ революціонной борьбы?“ — спрашиваетъ сотрудникъ газеты „Борьба“ (№ 1 „Революціонная буржуазія“). Или:

„За хроническое непониманіе того, что въ Россіи были только двѣ силы— правительство и народъ, за непониманіе, что уже давно народъ началъ забирать всю полноту власти въ свои руки, господа либералы поплатятся очень многимъ—и между прочимъ тѣмъ, что никогда ихъ мечта — взять власть въ свои руки—не станетъ дѣйствительностью“ („Московская газета“, № 3. Какъ они говорятъ и какъ они дѣйствуютъ).

Въ дѣйствительности, конечно, дѣло либерализма далеко не было такъ безнадежно: оно и не могло быть такимъ въ буржуазной революціи. Но, несомнѣнно, силы либерализма въ это время только собирались, онъ еще не успѣлъ за 1 — 1½ мѣсяца стянуть ихъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ его дѣйствительному значенію въ обществѣ. А, главное, моментъ былъ совсѣмъ неподходящимъ для его успѣховъ — ни по роду публики, выступившей на первый планъ, ни по общественному настроенію. Форсированныя революціонныя проявленія пошли мимо „кадетскаго“ либерализма. Чуждый этимъ формамъ борьбы, онъ естественно не раздѣлялъ ни энтузіазма, ни иллюзій руководящихъ революціонныхъ группъ. Дѣятельность „Совѣта рабочихъ депутатовъ“, ноябрьскія забастовки, военные бунты, московское вооруженное возстаніе—всѣ эти дни, полные тревоги и ослѣпленія, протекли не только безъ участія средне-либеральныхъ круговъ, но и вопреки имъ. На нѣкоторыхъ митингахъ ноября и начала декабря, передъ самымъ возстаніемъ, со стороны „кадетовъ“ дѣлаются лишь слабыя и рѣдкія попытки предостеречь, умѣрить. Но именно потому, что эти попытки исходили отъ „кадетовъ“, онѣ были совершенно безуспѣшны: революціонная стихія, вырвавшись изъ тисковъ самодержавія, могла быть остановлена только собственнымъ кровавымъ опытомъ.

Вслѣдъ за буржуазно-интеллигентскимъ либерализмомъ организовались партійно и болѣе умѣренныя теченія. Бывшее „мень-

шинство“ земскихъ съѣздовъ—либеральные славянофилы—становятся во главѣ „Союза 17 окт.“. Принципіальные сторонники идеальнаго самодержавія, они точно такъ же слѣдуютъ за уступками манифеста 17 окт., какъ раньше, въ программѣ „Національно-прогрессивной“ партіи слѣдовали манифесту 18 феравля. Это были „конституціоналисты по Высочайшему повелѣнію“. Ихъ утопическій либерализмъ, стремившійся къ совмѣщенію началъ общественной свободы съ самодержавнымъ строемъ, привлекалъ къ себѣ болѣе „благожелательные“ владѣльческіе элементы, особенно среди культурныхъ помѣщичьихъ круговъ, такъ какъ въ немъ были искусно комбинированы пережитки старыхъ сословныхъ взглядовъ и претензій съ прогрессивными общественными пожеланіями. Это былъ либерализмъ, хорошо подходившій къ психологіи той помѣщичьей души, которая хотѣла добровольно и гуманно, по-барски, подарить и облагодѣтельствовать тѣмъ, что было уже почти потеряно. Это точка зрѣнія благожелательныхъ феодаловъ.

Основу партійной программы составлялъ манифестъ 17 окт., его положенія только развиты подробнѣе и дополнены. Главные характерные пункты составляютъ: „недѣлимость“ Россіи (т.-е. отрицаніе принципа автономіи, не говоря уже о федераціи); общее избират. право, но и то лишь для осѣдлаго населенія; всеобщее гражданское равноправіе; свобода стачекъ, но не принужденій къ ней; обращеніе государственныхъ и удѣльныхъ земель въ фондъ надѣленія; разверстаніе черезполосныхъ земель съ обязательнымъ отчужденіемъ отрѣзковъ.

Съ другой стороны, по своей позиціи среди дѣйствующихъ силъ общественной борьбы, партія несомнѣнно являлась контръреволюціонной.

„Союзъ 17 окт.“ былъ единственной крупной партіей умѣреннаго либерализма, имѣвшей сколько-нибудь разработанную программу. Онъ представлялъ въ то же время и самую „почтенную“ организацію по составу своихъ руководителей съ именами видныхъ дворянъ (Д. Шиповъ, гр. Гейденъ, М. Стаховичъ и пр.), съ давней общественной репутаціей. Поэтому, независимо отъ того, что въ это начальное время нашей политической жизни каждая партія была въ сущности лишь ядромъ многочисленныхъ мелкихъ кружковъ—„Союзъ 17 октября“ служилъ въ то же время

организаціоннымъ центромъ для остальныхъ крупныхъ партій цензоваго либерализма: „Торгово-промышленной“, „Правового порядка“ и другихъ, примыкающихъ къ нимъ. Всѣ эти организаціи крупно-владѣльческихъ классовъ оказываются въ концѣ 1905 г. объединенными черезъ делегатовъ въ общій федеративный союзъ, во главѣ съ „Союзомъ 17 окт.“; при чемъ платформой объединенія являются: недѣлимость Россіи, конституціонная монархія и охрана собственности. Остановимся на младшихъ членахъ этой владѣльческой федераціи.

„Торгово-промышленная“ партія, вышедшая первоначально изъ среды московскихъ промышленниковъ (нѣкогда писавшихъ либеральныя записки), объединяетъ затѣмъ въ себѣ всю вообще крупную предпринимательскую буржуазію. Она образовалась изъ „Всероссійскаго торгово-промышленнаго союза“, учрежденнаго въ Москвѣ 11 ноября на основѣ октябрьскаго манифеста. Крайне безформенная и неопредѣленная программа, молчащая по цѣлому ряду важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ (даже объ избират. правѣ!), очень характерна для этой политически отсталой буржуазіи, еще наполовину замкнутой въ узкихъ рамкахъ своего „дѣла“. Только промышленность и связанные съ ней экономическіе интересы пользуются большимъ вниманіемъ партіи. И здѣсь она заняла довольно типичную позицію. Ея основной принципъ производственныхъ отношеній — это „экономическое содружество“ предпринимателей и рабочихъ. Въ силу этого партія выражаетъ благожелательную готовность къ юридическому равноправію обѣихъ сторонъ, даже въ правѣ организацій и стачекъ, и предлагаетъ совмѣстное представительство (равное?) въ разныхъ общественныхъ и политическихъ учрежденіяхъ. Въ дальнѣйшемъ (I съѣздъ 5 февр. 1906 г. въ Москвѣ) и, по счастливой случайности, послѣ разгрома рабочихъ, оказывается однако, что это не болѣе, какъ старая владѣльческая идеологія въ духѣ laissez faire: партія является рѣшительнымъ противникомъ даже рабочаго законодательства. „По рабочему вопросу мы — противники нормировки труда рабочихъ, такъ какъ думаемъ, что взрослый человѣкъ долженъ быть свободенъ въ своемъ трудѣ, и нормы труда должны устанавливаться свободнымъ соглашеніемъ рабочихъ съ предпринимателями“. Такъ умѣренный либерализмъ въ политикѣ

прикрываетъ реакціонныя тенденціи въ соціальной области, касающейся собственныхъ интересовъ.

Въ то время, какъ помѣщичьи и предпринимательскіе элементы крупно-владѣльческихъ классовъ распредѣлились между „Союзомъ 17 окт.“ и „Торгово-промышл.“ партіей, болѣе отсталые элементы тѣхъ же классовъ и часть крупной бюрократіи сошлись въ „Партіи правового порядка“.

Ея программа, также основанная на манифестѣ 17 октября, отличается еще большей неопредѣленностью и некультурностью, чѣмъ у предшествующихъ партій. Никакихъ творческихъ началъ, цѣлей въ будущемъ, простое вынужденное приспособленіе къ уже существующему, цѣлый рядъ мудрыхъ умолчаній—такова эта партійная канва, на которой будутъ вышиваться впослѣдствіи, въ зависимости отъ направленія правительственной политики, всевозможные контръ-революціонные и даже черносотенные узоры.

Покинувъ на этомъ организаціи цензоваго либерализма, прослѣдимъ теперь судьбу тѣхъ теченій, которыя остались внѣ к.-д'ской партіи, при прежнихъ формахъ объединенія. Таковъ, прежде всего, либерализмъ самоуправленій.

Осень 1905 г. была временемъ крушенія либерализма въ земствахъ. Обострившаяся революціонная борьба за землю въ деревнѣ, и за конституцію въ городахъ, уступки самодержавія, охранявшаго помѣщичью эксплоатацію, перевернули вверхъ дномъ земскія отношенія. Безъ всякаго измѣненія избирательнаго ценза, при томъ же составѣ гласныхъ, земства въ концѣ 1905 г. представляли нѣчто обратное тому, что мы видѣли годъ тому назадъ, на зарѣ революціоннаго движенія. Подавляющее число земствъ стали на сторону реакціи и контръ-революціи и повели ожесточенную борьбу со своимъ либерально-демократическимъ меньшинствомъ, а особено съ „третьимъ элеметомъ“, причемъ не останавливались даже передъ разгромомъ своихъ „неблагонадежныхъ“ культурныхъ учрежденій. За одну осень земство быстро сорвало съ себя весь покровъ идеализаціи, создавшейся вокругъ него въ глухую пору самодержавія: изъ-за облика мирнаго народолюбія и культуртрегерства прозаично выглянули острые владѣльческіе зубы.

Какъ произошла эта перемѣна?

Дѣйствительный либерализмъ, въ духѣ освобожденскаго конституціонализма, составлялъ, какъ мы знаемъ, неизмѣнное большинство на земскихъ съѣздахъ. Но онъ никогда не былъ господствующимъ и въ большинствѣ земствъ. Съѣзды не осуществляли сколько-нибудь правильнаго представительства земскихъ самоуправленій. Такъ, 6 ноября 1904 г. по приглашенію „организаціоннаго бюро“ собрались лишь прогрессивные представители земствъ. Это обусловливалось уже самымъ характеромъ нелегальныхъ, „самочинныхъ“ съѣздовъ. Когда же попавшіе сюда „просвѣщенные консерваторы“ оказались въ меньшинствѣ и платформа земскихъ съѣздовъ опредѣлилась въ качествѣ конституціонной—это еще болѣе оттолкнуло отъ общенія консервативныя и реакціонныя земства; несмотря на расширенное представительство въ послѣдующихъ съѣздахъ, на нихъ обыкновенно совсѣмъ отсутствуютъ чисто охранительные элементы. Собирались, такимъ образомъ, лишь представители прогрессивныхъ земствъ, преимущественно губернскихъ; отъ тѣхъ земствъ, гдѣ не было либеральнаго большинства, делегаты посылались лишь „частными совѣщаніями“ меньшинства; наконецъ, членами съѣздовъ были иногда просто отдѣльные земскіе дѣятели, никѣмъ не уполномоченные, ѣхавшіе на свой рискъ и страхъ. Словомъ, земскіе съѣзды предполагали оппозиціонную иниціативу въ самоуправленіяхъ и только тѣ, кто обладали ею, собирались туда для совмѣстной политической дѣятельности.

Однако и эти еще далеко не всѣ были конституціоналистами въ духѣ буржуазно-интеллигентскаго либерализма; съѣзжались и болѣе активные представители умѣреннаго, цензоваго либерализма, въ которомъ всегда кроется опасность контръ-революціоннаго поворота.

Такимъ образомъ, видимое преобладаніе въ земствахъ освобожденскаго либерализма въ этотъ періодъ было основано главнымъ образомъ на томъ, что большинство уѣздныхъ земствъ провинціи оставались въ сторонѣ отъ политическаго движенія и представляли тогда еще неизвѣстную политическую величину. Они держались пассивно по отношенію къ окружающимъ теченіямъ и даже, выбирая составъ членовъ губернскихъ земствъ, посылали туда въ большинствѣ либераловъ... Впрочемъ, нѣтъ:

они посылали туда просто болѣе развитыхъ и работоспособныхъ, имѣющихъ къ тому же охоту отдавать свое время и трудъ на безвозмездную общественную дѣятельность, вмѣсто хозяйственныхъ хлопотъ въ своихъ усадьбахъ. И уже было знаменіемъ времени то, что силы, избранныя просто въ качествѣ хорошихъ мѣстныхъ дѣятелей, подъ давленіемъ профессіональныхъ земскихъ потребностей, оказывались въ разлагавшемся режимѣ на сторонѣ оппозиціи и либерализма. Но этотъ либерализмъ передовыхъ земцевъ вскрылся уже главнымъ образомъ въ революціонное время. Ранѣе этого въ самоуправленіяхъ слишкомъ доминировали узкіе мѣстные интересы, чтобы могли быть между ними и консервативнымъ большинствомъ сколько-нибудь значительныя политическія тренія. Да, наконецъ, политическій либерализмъ дѣятелей, насколько онъ вообще проявлялся, не могъ представляться тогда опаснымъ для консервативной среды гласныхъ;. это именно потому, что онъ былъ односторонне политическимъ, а не соціальнымъ, не угрожалъ, въ устахъ своего же брата-помѣщика, непосредственнымъ интересамъ помѣщичьей массы. Это обстоятельство оставляло мало почвы для вражды къ такому вольнодумству, тѣмъ болѣе, что бюрократическое правительство не пользовалось и у дикаго помѣщика безпредѣльной любовью: слишкомъ оно уже было проникнуто крупно-буржуазными интересами и покровительствомъ городской промышленности, меньше упитывало помѣщика и даже прямо вредило его хозяйству своей таможенной политикой. Политическое вольнодумство было поэтому еще терпимо и больше считалось модой и развлеченіемъ, чѣмъ опасностью. Только революція, выдвинувшая демократическія массы, вскрыла неразрывную связь политической непрочности режима съ непрочностью владѣльческаго благополучія, болѣе всего въ деревнѣ, гдѣ крестьянство особенно склонно понимать революцію, какъ захватъ земли и выкуриваніе помѣщика. Поэтому только въ революціи помѣщикъ какъ слѣдуетъ оцѣнилъ опасность того вольнодумства, къ которому такъ снисходительно относился ранѣе, и потерялъ терпимость ко всѣмъ проявленіямъ освободительнаго движенія и оппозиціи.

Это особенно должно было проявиться послѣ акта 6 авг., удовлетворившаго одну часть недовольныхъ „дикихъ“ и еще

болѣе послѣ манифеста 17 окт., удовлетворившаго другую, болѣе культурную часть. Продолженіе революціоннаго движенія въ деревнѣ и городѣ, угрожающіе лозунги этого движенія, предводимаго какими-то „темными“ агитаторами, должно было особенно пугать и возмущать ихъ. И вотъ, помѣщикъ, пассивный и безучастный къ земскому дѣлу въ прежнее время, теперь преисполненъ гнѣва и активности, спѣшитъ на земское собраніе и, почти вездѣ оказываясь въ большинствѣ, начинаетъ расправу... Земства вступили на путь контръ-революціи.

Какъ мы уже видѣли раньше, земскія собранія конца 1904 г. и первой половины 1905 г. были въ большинствѣ либеральны, хотя лишь у меньшинства ихъ либерализмъ возвышался до нормы праваго освобожденства. Во всякомъ случаѣ, въ это время конституціонныя резолюціи земскихъ съѣздовъ, если въ общемъ плохо поддерживаются, то и никѣмъ почти не оспариваются открыто; онѣ поэтому имѣютъ видъ доминирующаго сужденія земскихъ и городскихъ самоуправленій.

Дѣло измѣняется къ осени, со времени опубликованія акта 6 авг. Уже сентябрьскій съѣздъ вызываетъ рѣзкій отпоръ со стороны нѣкоторыхъ самоуправленій. Такъ, Калужское губ. земство выражаетъ почти единогласно протестъ противъ московскихъ рѣшеній; другія земства дѣлаютъ то же болѣе косвеннымъ путемъ, посылая правительству благодарственные адреса по поводу булыгинской Думы. Новгородская дума прямо заявила, что „необходимо пользоваться моментами, когда правительство призываетъ, чтобы спасти конституцію“, что, какъ мы знаемъ, идетъ явно въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ по этому вопросу съѣзда.

Послѣ манифеста 17 окт. реакція въ самоуправленіяхъ усиливается. Всѣ умѣренно-либеральные элементы, вполнѣ удовлетворенные манифестомъ, немедленно перестаютъ поддерживать дальнѣйшее движеніе, и оставшійся въ меньшинствѣ к.-д'скій либерализмъ быстро тонетъ въ подавляющей массѣ враговъ. Въ сессіи 1905—6 гг. большинство земскихъ собраній выражаютъ такъ или иначе—свои контръ-революціонныя тенденціи. Одни—путемъ протестовъ противъ рѣшеній земскихъ съѣздовъ, другіе—побѣдоносной борьбой съ либерально-демократическими элементами изъ состава управъ и гласныхъ, и особенно съ „3 элементомъ“ путемъ сокращенія ассигнованій и разгрома соотвѣтству-

ющихъ учрежденій; третьи—просто игнорированіемъ текущихъ политическихъ вопросовъ и тенденціозной замкнутостью въ сферѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ. Въ общемъ, повторяемъ, это было большинство самоуправленій.

И населеніе платитъ этимъ самоуправленіямъ не лучшимъ отношеніемъ. И раньше оно очень мало знало и цѣнило ихъ дѣятельность; теперь оно начинаетъ презирать ихъ. Налоги не платятся. Въ цѣломъ рядѣ земскихъ и городскихъ сессій слышатся протестующіе голоса изъ среды публики и радикальныхъ одиночекъ изъ состава гласныхъ. „Сложите ваши полномочія, убирайтесь"—таковъ въ это время общій голосъ сознательной демократіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе теряютъ почву подъ ногами земско-городскіе съѣзды. Уже народившаяся партійная группировка направленій наносила большой уронъ этой формѣ объединенія. Реакціонный переворотъ въ самоуправленіяхъ совершенно разорвалъ связь ихъ съ либерализмомъ и отнялъ у либеральныхъ съѣздовъ земскій авторитетъ. Такова именно была судьба послѣдняго ноябрьскаго (6—13 н.) земско-городского съѣзда, возбудившаго на мѣстахъ бурные протесты и упреки въ самозванствѣ. Онъ дѣйствительно мало походилъ на представительство земствъ и городовъ даннаго времени, такъ какъ въ такой же мѣрѣ былъ заполненъ кадетами, какъ сами земства и города „истинно-русскими".

Однако же въ настроеніи съѣзда, особенно его слабаго меньшинства, рѣзко сказывались подавляющія впечатлѣнія отъ продолжающейся революціи, преимущественно крестьянской. Испугъ и растерянность были общимъ тономъ съѣзда; у меньшинства, бывшихъ умѣренныхъ либераловъ, оно вылилось въ агрессивное контръ-революціонное наступленіе. Отсюда рѣзкое и безнадежное разнорѣчіе на съѣздѣ: одни нападаютъ на анархію, революцію, „крайнія" партіи призываютъ къ поддержкѣ правительства. Другіе, напротивъ, клеймятъ правительство, ничего еще не сдѣлавшее для свободы, призываютъ къ дальнѣйшей борьбѣ, къ союзу съ „крайними". Подобныя же противорѣчія встрѣчаетъ вопросъ объ Учредительномъ Собраніи и даже о прямомъ избирательномъ правѣ, при чемъ и нѣкоторые члены новорожденной к.-д'ской партіи высказываются противъ того и другого. Тѣмъ болѣе подняла голову группа А. Гучкова, выступавшая съ рѣзкой оппозиціей почти по каждому вопросу.

Только благодушный к.-д'скій либерализмъ постарался объединить и эти противорѣчія. Резолюція объ Учредительномъ Собраніи передѣлана такъ, что осталась лишь пародія на этотъ принципъ народовластія: дѣло свелось къ „формальной передачѣ первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функцій для выработки, съ утвержденія государя, конституціи Россійской имперіи". Вопросъ объ отношеніи къ правительству былъ рѣшенъ въ смыслѣ условнаго обѣщанія поддержки, а реальный политическій шагъ выразился... въ посылкѣ депутаціи къ гр. Витте. Членами депутаціи являются кадеты (Муромцевъ, Кокошкинъ, Петрункевичъ), снова ставшіе въ противорѣчіе съ рѣшеніями собственной партіи: ибо еще 14 октября учредительный съѣздъ призналъ, что члены партіи „подобно всѣмъ остальнымъ борющимся группамъ, рѣшительно отказались отъ мысли добиться своихъ цѣлей путемъ переговоровъ съ представителями власти".

Но это своеобразное „штейкбрехерство" было къ тому же и совершенно напраснымъ: земское безсиліе съѣзда уже было учтено вверху. Правительство, остававшееся „наглымъ" и въ болѣе серьезныхъ случаяхъ, осталось, конечно, вѣрно себѣ и въ этихъ несомнѣнно несерьезныхъ переговорахъ: депутація была едва принята и встрѣтила „сухой и холодный" пріемъ; земскій либерализмъ умеръ.....

Болѣе опредѣленной и активной была дѣятельность лѣвыхъ интеллигентскихъ теченій, оставшихся внѣ „кадетской" партіи. Эти теченія—радикально-народническое и марксистское—руководили главнымъ образомъ союзами интеллигенціи и „Союзомъ союзовъ". Это главенство было тѣмъ болѣе понятнымъ, что съ образованіемъ либеральныхъ партій болѣе умѣренные элементы этихъ союзовъ начинаютъ покидать ихъ. „Союзъ союзовъ" становится такимъ образомъ еще болѣе радикальнымъ, но ни въ какомъ случаѣ не болѣе сильнымъ и вліятельнымъ, такъ какъ первоначальная общественная база его профессіональная интеллигенція—стала суживаться. Но тѣмъ болѣе стала рѣзкой несоразмѣрность его идеологіи и общественной силы. Воспринимаемые отъ рабочей партіи лозунги и тактическія рѣшенія, и прежде ма-

ло гармонировавшіе съ буржуазно-интеллигентскимъ составомъ союзовъ, теперь принимаютъ характеръ нѣсколько претенціозныхъ заявленій и резолюцій, лишенныхъ должнаго авторитета силы. „Союзъ союзовъ“ поддерживаетъ 2-ю забастовку 3—7 ноября, что однако не придаетъ ей достаточнаго успѣха. Тоже, но еще съ меньшимъ успѣхомъ, повторяется во время забастовки 8—19 декабря. Въ это время Союзъ союзовъ усваиваетъ и принципъ вооруженнаго возстанія, какъ единственнаго средства добыть свободу. Наконецъ, на IV делегатскомъ съѣздѣ 14—16 января 1906 г. (на Иматрѣ) „Союзъ союзовъ“ высказывается за бойкотъ выборовъ въ Думу 11 декабря, но вмѣстѣ съ тѣмъ—за использованіе предвыборной агитаціи,—нелѣпая позиція, созданная въ то время нерѣшительной тактикой с. д-овъ „меньшевиковъ“. Въ этомъ вопросѣ интеллигентскіе союзы особенно ясно проявили свою политическую несамостоятельность и безсиліе: они рабски повторяютъ политическія ошибки соціалистическихъ партій. Но что приличествуетъ волку—неумѣстно въ овцѣ. Рабочія партіи, непосредственно участвовавшія въ вооруженной борьбѣ, имѣли послѣ пораженія, по крайней мѣрѣ, психологическіе мотивы для бойкота: ненависть къ побѣдившему врагу, презрѣніе къ его конституціоннымъ подачкамъ. Но, главное, онѣ имѣли силу для практическаго проведенія своихъ рѣшеній, что и показали выборы въ культурнѣйшихъ рабочихъ центрахъ. Ничего подобнаго нельзя сказать о Союзѣ союзовъ, агитація котораго оказалась явно безсильной: в с я буржуазная интеллигенція, обладавшая цензомъ, приняла участіе въ выборахъ.

Болѣе „соотвѣтствующей“ и едва ли не болѣе дѣйствительной была въ это время „благотворительная“ дѣятельность союзовъ. Петербургскимъ „Союзомъ союзовъ“ основаны: комиссія по амнистіи, собравшая для амнистированныхъ политическихъ 16.000 руб., а также извѣстный „Шлиссельбургскій комитетъ“ для помощи бывшимъ и настоящимъ узникамъ крѣпости; „Союзомъ союзовъ“ переданы значительныя суммы для поддержанія рабочихъ въ октябрьскую забастовку (20.000 руб.) и еще большія—въ руки „Совѣта рабочихъ депутатовъ“ (30.000 руб. [1]). Союзъ инженеровъ содержалъ много столовыхъ для безработныхъ и т. д.

[1]) О чемъ не счелъ нужнымъ даже упомянуть въ спеціальномъ сочиненіи историкъ этой организаціи Хрусталевъ-Носарь („Исторія совѣта рабочихъ депутатовъ“).

Послѣ IV съѣзда съ его неудачной тактикой союзныя организаціи быстро идутъ къ упадку. Общественный подъемъ, вдохновлявшій даже болѣе умѣренные и сытые слои, окончился, а къ постоянной, систематической политикѣ союзы, при своей разнородности, не были способны.

Союзы интеллигенціи сыграли, конечно, немаловажную роль въ движеніи 1905 г.; мы видѣли ихъ активное участіе въ октябрьской забастовкѣ, эффектъ которой былъ доведенъ до конца ихъ усиліями. Но все же объективная величина этой роли далеко не соотвѣтствовала субъективной оцѣнкѣ со стороны самихъ дѣятелей. Слишкомъ много было вѣры въ слова, въ резолюціи и воззванія, обращенныя отъ политически-неопредѣленныхъ интеллигентскихъ кружковъ къ столь же неопредѣленному „обществу“. Характерно, что и печатались они преимущественно въ безпартійной и безпринципной буржуазно-интеллигентской „Руси“.

Только меньшинство союзовъ имѣло значительныя связи съ массами; но это меньшинство и держалось въ союзѣ нѣсколько обособленно, и дальнѣйшее существованіе они ведутъ уже независимо отъ судьбы общей организаціи. Какъ мы уже видѣли, это были настоящіе профессіональные союзы полу-пролетарскаго типа, близкіе по типу и значенію къ рабочимъ союзамъ (союзъ желѣзнодорожный, почтово-телеграфный, учительскій, крестьянскій).

Неудовлетворительность и безсиліе союзной организаціи чувствовала и сама интеллигенція, особенно съ того времени, когда другія либеральныя теченія стали выливаться въ болѣе прочныя и сильныя партійныя организаціи.

Отсюда такія попытки въ средѣ демократической интеллигенціи, какъ возникновеніе въ концѣ ноября (27-го) „Радикальной партіи“. Однако разнородность состава этой среды—мы уже отмѣтили два главныхъ ея крыла—и сравнительная немногочисленность такой интеллигенціи не позволили этимъ попыткамъ реализоваться въ прочные политическіе результаты. Эта среда могла организоваться или въ двѣ отдѣльныя и слабыя интеллигентскія партіи или разслоиться по соотвѣтствующимъ соціалистическимъ партіямъ (с. д'овъ и с. р'овъ).

V. Конституціонный періодъ въ развитіи либерализма.

Невыдержанная, слишкомъ оптимистичная тактика рабочей демократіи въ дни свободы привела къ столкновенію ея съ правительствомъ на той почвѣ, на которой она всего менѣе была сильна. Декабрьская бойня была заключительнымъ звеномъ этого столкновенія. Общественная жизнь замерла подъ гнетомъ военнаго правительственнаго террора....

На это положеніе различно реагируютъ разныя общественныя группы. Умѣренный либерализмъ крупной буржуазіи и феодаловъ пьетъ шампанское за здоровье Дубасова. Разгромленная „крамола"—соціалисты и революціонная демократія (радикализмъ) —снова прячутся въ подполье и отвѣчають политическими убійствами, бойкотомъ выборовъ; въ этой послѣдней тактикѣ къ нимъ присоединяется, хотя и менѣе активно, лѣвая интеллигенція нѣкоторыхъ союзовъ. Преобладающій численно буржуазно-интеллигентскій либерализмъ выбираетъ средній путь: относясь съ негодованіемъ къ дѣйствіямъ правительства, онъ все же готовится къ выборамъ, чтобы вступить въ борьбу съ режимомъ тѣмъ способомъ, въ которомъ чувствовалъ себя наиболѣе сильнымъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ партія, опирающаяся преимущественно на мирные и умѣренные круги, не чувствуя за собой значительной боевой силы, оказывается, естественно, склонной къ поссибилизму. Декабрьскій разгромъ и паденіе революціонной энергіи давали большой поводъ къ этому. И вотъ уже на II съѣздѣ к. д'овъ (5—11 января 1906 г.) мы видимъ, какъ смягчается и умѣряется позиція партіи по цѣлому ряду вопросовъ. По вопросу о цѣли вхожденія въ Думу съѣздъ уже не держится той точки зрѣнія, которая была принята „Союзомъ освобожденія" въ отношеніи Думы 6 авг.: онъ предпочитаетъ ничѣмъ не связывать себя въ дѣлѣ „органической" работы. Вопросы объ Учредительномъ Собраніи и системѣ палатъ оставлены открытыми. Впрочемъ, первый изъ нихъ правильнѣе считать рѣшеннымъ отрицательно, такъ какъ въ дальнѣйшемъ съѣздъ, опредѣляя „неорганическія" задачи въ Думѣ, уже не упоминаетъ требованія Учредительнаго Собранія: партія „должна стремиться осуществить черезъ посредство Думы всеобщее и прямое избирательное право и

мѣропріятія, неотложно необходимыя для успокоенія страны и мирнаго перехода къ правильному представительству, а по достиженіи этой цѣли добиваться немедленной замѣны Думы собраніемъ, избраннымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія".

Наконецъ, чтобы окончательно разсѣять вѣянія республиканизма, еще жившаго въ крайней лѣвой партіи, съѣздъ включаетъ въ программу ясный и точный монархическій принципъ: „Россія есть конституціонная и парламентская монархія".

Однако и эти щедрыя уступки поссибилизму не удовлетворяютъ крайней правой партіи. Къ концу января отъ кадетовъ отслаиваются двѣ правыхъ группы: одна изъ нихъ образуетъ партію демократическихъ реформъ съ М. Ковалевскимъ во главѣ, а другая, подъ предводительствомъ кн. Е. Трубецкого основываетъ „клубъ независимыхъ".

Обѣ группы характеризуются сильнымъ оппортунизмомъ и индивидуалистическими наклонностями, въ силу чего ихъ особенно тяготила въ партіи „народной свободы" слишкомъ детальная, по ихъ мнѣнію, регламентація принциповъ въ программѣ и партійная дисциплина. Партія „демократическихъ реформъ" отдѣлилась, главнымъ образомъ, подъ лозунгомъ двухпалатной системы, при чемъ особенно цѣнила роль второй палаты, какъ „посредника" между нижней палатой и короной: въ моментъ, когда стремленіе отдѣлаться отъ всевозможныхъ посредниковъ становится однимъ изъ самыхъ популярныхъ въ прогрессивномъ лагерѣ, эта партія стремится создать ихъ!

Болѣе характерна позиція „независимыхъ". У этихъ главный мотивъ выдѣленія—желаніе какъ можно сильнѣе отмежеваться отъ „крайнихъ", что дѣлалось лишь съ большой неохотой кадетами, видѣвшими на той сторонѣ все же нужную реальную силу. Но отмежеваніе независимыхъ было достигнуто поразительно большой цѣной: разрывомъ съ существенными принципами средняго либерализма въ сторону цензоваго. Дѣйствительно, вотъ платформа „клуба независимыхъ": „1) верховная власть въ государствѣ принадлежитъ монарху и народному представительству, основанному на *двухпалатной системѣ*; 2) избирательное право должно быть *всеобщимъ* безъ различія національного, сословного и классового". Вообще же, „приближаясь къ программѣ к.-д'ской партіи, особенно въ вопросахъ соціально-

экономическихъ, возникающая организація въ отличіе отъ послѣдней будетъ формулировать исключительно требованія реальной политики"... Итакъ, реальная политика „кадетовъ" превращается въ еще болѣе реальную. При всемъ приторномъ „идеализмѣ" пропаганды, несмотря на крайній избытокъ въ ней всевозможныхъ этическихъ пряностей, въ родѣ „общечеловѣческой справедливости", „элементовъ безусловнаго" и т. д., нетрудно видѣть, куда клонила эта позиція: еще одинъ шагъ—и передъ нами хищный контръ-революціонный консерватизмъ, поднимающій бокалъ за казненныхъ убійцъ!

Освободившись отъ части своего оппортунистическаго балласта, партія „народной свободы" вступила въ избирательную кампанію. При самоустраненіи отъ выборовъ соціалистическихъ и демократическихъ группъ, кадеты представляли самую прогрессивную и демократическую партію въ избирательной борьбѣ. Съ другой стороны, страна, покоренная военнымъ насиліемъ, была очень мало склонна къ бойкоту: не говоря уже о политической отсталости подавляющихъ массъ населенія, особенно крестьянства, даже сознательные слои чувствовали потребность, при упадкѣ активной боевой энергіи и надеждъ, испытать это новое, еще неизвѣданное средство—Думу, столковаться и сплотиться на выборахъ. Еще болѣе привлекали массу предвыборныя собранія сами-по-себѣ, какъ единственныя въ то время собранія, гдѣ можно было слушать и осуществлять политическую критику и пропаганду, гдѣ накипѣвшія чувства и политическіе интересы могли найти удовлетвореніе.

Отсюда необычайно широкій успѣхъ кадетовъ, собравшихъ на этотъ моментъ подъ свои знамена почти всѣ несоціалистическія прогрессивныя массы городскихъ избирателей, въ томъ числѣ и рабочихъ. Это былъ рѣдкій случай, когда рабочія партіи, переоцѣнивъ свои силы и сознательность рабочей массы, сами отдали большинство ея подъ идейное вліяніе и политическое руководство либерализма[1]). Только деревня оставалась нѣкоторое время

[1]) Всю безтактность этой тактики могъ оцѣнить всякій, кто бывалъ въ то время на кадетскихъ собраніяхъ съ большимъ участіемъ рабочихъ (квартиронанимателей), кто наблюдалъ при этомъ, съ какимъ напряженнымъ интересомъ слушали они смѣлую и хорошо поставленную политическую критику и пропаганду кадетскихъ ораторовъ, часто не встрѣчавшихъ никакихъ противниковъ.

внѣ захватывающаго вліянія этой партіи. Но и это относится только ко времени самыхъ выборовъ: въ Думѣ, какъ извѣстно, и крестьянская демократія, несмотря на свою попытку организоваться самостоятельно, находилась все время подъ сильнымъ вліяніемъ либеральной партіи.

Съ другой стороны, у кадетовъ не было сколько-нибудь серьезныхъ противниковъ и справа. Ни реакціонныя партіи, организованныя въ темныхъ слояхъ дикими помѣщиками и бюрократіей, ни крупно-владѣльческій умѣренный либерализмъ не могли разсчитывать на успѣхъ въ массахъ. Только интеллигентскій либерализмъ обращался искренно къ ихъ человѣческому достоинству, обѣщалъ широкія соціальныя реформы.

Этотъ необычайный успѣхъ либерализма вскружилъ ему голову. Періодъ выборовъ и начала думской сессіи было временемъ необузданнаго оптимизма кадетовъ, временемъ „конституціонныхъ иллюзій". Онѣ какъ нельзя болѣе понятны у буржуазно-интеллигентской партіи. Вѣра въ силу парламентскихъ голосованій, въ академическую критику съ точки зрѣнія права, вѣра въ силу мысли и слова—есть именно интеллигентская вѣра, своего рода предразсудокъ среды, гдѣ эта мысль и это академическое слово составляютъ дѣло, профессію. Либерализмъ, чѣмъ онъ умѣреннѣе, тѣмъ менѣе склоненъ къ политическому реализму, къ пониманію общественныхъ отношеній въ смыслѣ прозаической борьбы интересовъ и силъ. И въ соціальной психологіи стало уже обычнымъ явленіемъ, что именно умѣренныя владѣльческія направленія всего болѣе отворачиваются отъ такихъ „циничныхъ" воззрѣній и прикрываютъ это органическое отвращеніе ультра-идеалистическими и этическими точками зрѣнія.

Въ дѣйствительности, у руководящей партіи былъ нѣкоторое время лишь одинъ серьезный шансъ въ предстоявшей борьбѣ съ правительствомъ: это—финансовыя затрудненія послѣдняго и отсутствіе кредита безъ гарантіи народнаго представительства. Но этотъ шансъ палъ передъ самой сессіей Думы. Въ апрѣлѣ заемъ былъ заключенъ, матеріальная сила Думы была парализована. Оставалось поставить формальныя рамки противъ ея возможныхъ политическихъ притязаній: тогда были наскоро составлены „основные законы", опубликованные за день передъ сессіей Думы..... Таковы были зловѣщія предзнаменованія.

Судьба работъ первой Думы была жестокимъ ударомъ интеллигентской вѣрѣ и оптимизму. Несмотря на моральный вѣсъ критики, голосованій, несмотря на выраженное недовѣріе, правительство продолжало дѣлать то, что хотѣло, высокомѣрно игнорируя мнѣнія народнаго представительства. Совершенно нечувствительное къ вопросамъ политической честности и права, оно опиралось на спокойныя войска и добытыя деньги. Либерализмъ былъ ошеломленъ. Парламентская тактика повисла въ воздухѣ; надо было искать... новаго компромисса. И вотъ промелькнули тѣни какихъ-то подозрительныхъ законопроектовъ о свободѣ собраній и печати. Начались и закулисные переговоры съ правительственной „камарильей". Но къ чему они могли привести, когда врагъ былъ въ полной силѣ? Правительство было слишкомъ непримиримо, нельзя было найти почетнаго компромисса; средняя линія была слишкомъ далека и отъ правительственныхъ притязаній и отъ народныхъ нуждъ. Принявъ условія камарильи (отказъ отъ принудительнаго отчужденія, отъ полной амнистіи и отъ полнаго отвѣтственнаго министерства), либерализмъ потерялъ бы безвозвратно довѣріе народныхъ массъ; настаивая на демократическихъ требованіяхъ, онъ, не вооруженный поддержкой активныхъ революціонныхъ слоевъ, былъ обреченъ на безплодную роль академическаго критика. Положеніе при данномъ соотношеніи силъ было дѣйствительно безнадежно; но въ то время, какъ революціонныя партіи используютъ эти мертвые періоды для фактическаго увеличенія своихъ силъ путемъ открытой агитаціи или подпольной работы, либерализму оставалось только развести руками передъ этой жестокой картиной политической механики.

Между тѣмъ правительство какъ нарочно дѣлало все, чтобы показать свое пренебреженіе къ Думѣ, нежеланіе хотя что-либо измѣнять въ своей старой насильнической практикѣ. Продолжались чрезвычайныя положенія, смертныя казни, черносотенные погромы. Авторитетъ Думы не только не охранялся правительствомъ Горемыкина, но поощрялись всѣ, даже чисто хулиганскія выходки противъ Думы и конституціи; имъ даже предупредительно давали мѣсто въ оффиціозномъ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Наконецъ, само правительство—исполнительная власть!—выступило противъ аграрнаго думскаго законопроекта въ своемъ оффиціальномъ „сообщеніи" отъ 20-го іюня. На эту дикую выходку Дума отвѣтила лишь осторожнымъ обращеніемъ къ народу, при чемъ, настаивая на своемъ авторитетѣ, призывала его къ спокойствію...

Это послѣднее было особенно характерно для либерализма: приведенный въ Думу „безпорядкомъ", еще ничего не добившійся тамъ, онъ уже призываетъ къ порядку, хочетъ рубить послѣдній сукъ, на которомъ сидѣлъ. Однако и эта уступка духу миролюбія не спасла положенія: Дума была распущена и распущена безнаказанно для правительства, Этотъ неожиданный ударъ, этотъ рѣзкій крахъ вѣры въ правомѣрный исходъ революціи, глубокое отчаяніе и негодованіе передъ физическимъ насиліемъ азіатской власти—все это выбило либерализмъ изъ его обычной тактической колеи; онъ отвѣтилъ выборгскимъ воззваніемъ; онъ призвалъ къ шагу, къ которому не подготовлялъ населеніе и не могъ подготовить его при своей недемократической тактикѣ; онъ требовалъ отъ него борьбы, въ которой не могъ руководить имъ.

А затѣмъ—мрачный, задавленный періодъ междудумья, періодъ торжествующаго хулиганства и казенной „практической" политики. Либерализму не остается ничего болѣе, какъ снова готовиться къ выборамъ, снова начинать свою парламентскую канитель; но уже безъ прежней вѣры, безъ наивнаго и бодраго оптимизма. Четвертый партійный съѣздъ въ Гельсингфорсѣ въ концѣ сентября въ мягкихъ, политичныхъ выраженіяхъ отказывается отъ неосторожнаго шага, сдѣланнаго сгоряча въ Выборгѣ, сохранивъ за нимъ лишь „принципіальное" значеніе. Въ то же время либерализмъ, умудренный опытомъ, признаетъ „ближайшей задачей партіи... установленіе тѣснѣйшей связи съ населеніемъ—одинаково необходимой какъ для подготовки избирательной кампаніи, такъ и вообще для о р г а н и з а ц і и о б щ е с т в е н н ы х ъ с и л ъ". Но этотъ пробудившійся реализмъ, не подкрѣпленный ни характеромъ общественныхъ группъ, на которыя опирается либерализмъ, на собственной тактикой, родомъ дѣятельности самой партіи, былъ не болѣе какъ познавательнымъ рефлексомъ, теоретическимъ порывомъ къ другимъ методамъ, новымъ путямъ, закрытымъ однако для буржуазно-интеллигентскаго либерализма въ силу самой его природы.

Въ то время. какъ этотъ средній либерализмъ, обманувшійся въ силѣ своихъ парламентскихъ дѣйствій въ непарламентскомъ политическомъ строѣ, остановился въ нерѣшительности, справа и слѣва отъ него продолжался процессъ партійной консолидаціи.

Наиболѣе рѣзко сказывается новое политическое положеніе, созданное побѣдоноснымъ правительствомъ, на партіяхъ умѣреннаго владѣльческаго либерализма. Контръ-революціонный по существу, колебавшійся въ то время, когда былъ неизвѣстенъ исходъ борьбы, онъ тотчасъ становится на сторону правительства, какъ только оно вышло побѣдителемъ. Онъ сбросилъ послѣдніе остатки либеральной фразеологіи прикрасъ и сталъ направленіемъ консервативнымъ. Въ то же время грани между его отдѣльными партіями все болѣе стираются подъ вліяніемъ этой новой контръ-революціонной роли, и бывшій центръ федераціи владѣльческихъ партій—„Союзъ 17 октября"—становится понемногу единственной партіей этихъ общественныхъ круговъ. Однако грубый поворотъ въ сторону „истинно-русскаго" правительства и военно-полевыхъ судовъ не обходится безъ внутреннихъ треній въ умѣренныхъ партіяхъ Если онъ пришелся по вкусу дѣловой и прозаичной буржуазіи, отсталой политически, то благородное барство, бывшее ранѣе во главѣ „Союза", не могло такъ круто порвать со своими болѣе прочными и культурными традиціями; то же относится и къ болѣе передовой части буржуазіи, опирающейся болѣе на свое экономическое превосходство, чѣмъ на правительственную поддержку. Отсюда кочеваніе этихъ элементовъ изъ нѣдръ опозореннаго дикой буржуазіей „Союза" въ болѣе „благожелательную" и корректную партію „Мирнаго Обновленія", возникшую осенью изъ бывшаго „клуба независимыхъ".

Съ другой стороны, въ средѣ демократической интеллигенціи, уже изжившей свое союзное объединевіе, возникаетъ новая попытка организоваться въ открытую партію. На этотъ разъ организуется однако лишь одна группа этой интеллигенціи—народническая, которая къ осени 1906 г. становится во главѣ „Народно-соціалистической" партіи. Соціалистическая по имени и общему принципу, она ни теоретически, ни практически не связываетъ его съ опредѣленной и однородной, соціальной базой. Опираясь въ теоріи на всѣхъ „трудящихся", она на практикѣ безнадежно стоитъ внѣ рабочаго класса, и если имѣетъ вообще какіе-либо шансы на соціальныя связи, то развѣ лишь съ крестьянствомъ и частью мѣщанства. Такъ какъ и экономическая программа ея наиболѣе характерна въ своихъ аграрныхъ нормахъ (націонализація, всеобщее право на пользованіе землей), то эта партія, вмѣстѣ съ оставшейся послѣ первой Думы „Трудовой группой" и нѣкоторыми профессіонально-политическими союзами малой интеллигенціи, представляетъ собой политическую организацію мелко-буржуазнаго радикализма. Такимъ образомъ, вторая половина 1906 года была временемъ перваго партійнаго оформленія нашей буржуазной демократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и весь нашъ либерализмъ вообще принимаетъ тѣ основныя и болѣе устойчивыя формы, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе опредѣленно распредѣлились всѣ вообще политическія силы передъ второй избирательной кампаніей. Отношенія стали яснѣе, противники заняли свои настоящія позиціи: соціалистическія партіи и буржуазная демократія—боролись за принципы полнаго народовластія и соціальнаго перераспредѣленія силами самыхъ массъ; буржуазно-интеллигентскій либерализмъ сталъ на путь соглашенія, „эволюціи", академической реформы сверху; умѣренный либерализмъ занялъ охранительное положеніе по отношенію къ дѣйствующей конституціи—по крайней мѣрѣ, въ ея основныхъ нормахъ („Основные законы"); наконецъ, „истинно-русскія" организаціи со своей крикливой и неопрятной методологіей тянули назадъ, къ старому самодержавію.

СОДЕРЖАНІЕ.